

Специальный выпуск

Демо крат

 Яблоко

Работы победителей международного
конкурса для молодых журналистов
«Молодые о молодых» им. Юрия
Щекочихина

Выпуск № 2, 2025
yabloko.ru

Юрий
Щекочихин

20
25

Юрий Щекочихин в «Литературной газете», 1989 год,
фото: Владимир Богданов

УДК [316.346.32(470) +329(470)Яблоко](082)
ББК 60.542.15я43 + 66.69(2Рос)я43
Р93

**Демо
крат**

Р93 **Демократ: информационно-партийный бюллетень РОДП «Яблоко» / под редакцией
Н. И. Рыбакова. М.: РОДП «Яблоко», 2025 — 74 стр., чб**

ISBN 978-5-4399-0094-7

В специальный выпуск информационно-партийного бюллетеня «Демократ» вошли работы победителей и призеров международного конкурса для молодых журналистов имени Юрия Щекочихина «Молодые о молодых — 2024».

В очерках, репортажах и статьях лауреатов поднимаются острые социальные проблемы, авторы привлекают внимание к новым явлениям в общественной жизни, в молодежной культуре, рассказывают о сверстниках, которые помогают другим и нашли стратегии личного успеха и улучшения жизни в конкретное время в конкретном месте.

УДК [316.346.32(470) +329(470)Яблоко](082)

Учредитель: Политическая партия «Российская
объединенная демократическая партия «Яблоко»

Адрес: 191017 Москва,
ул. Пятницкая, д. 31, стр. 2
+7 (495) 780-30-10
www.yabloko.ru

Главный редактор:
Николай Рыбаков

Выпускающий редактор:
Анастасия Бурлакова

Макет:
Иван Загорский

16+

ISBN 978-5-4399-0094-7

Бюллетень зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ No ФС77-26104 от 03.11.2006 г.

Для детей старше 16 лет

© Партия «Яблоко», 2025

Содержание

О премии «Молодые о молодых»	4
«Почему дети убивают детей?» / София Буркина	5
Общественная трагедия. Исправляют ли исправительные колонии? / Дмитрий Гасанов	10
«Сердце Вятлага». Репортаж из посёлка Лесной, где находится колония строгого режима / Наталья Трубина	17
Люди и судьбы. Путь междуречья / Ольга Апыхтина	21
«Молчать нельзя говорить». Почему проблема домашнего насилия до сих пор жива. Размышляем и чувствуем / Анастасия Ненашева, Валерия Юрова, Виктория Волкова, Елизавета Цветкова	27
«Полтора года в гетто» / Евгений Толмачёв	31
«Защитить Байкал» / Арина Васильчук	35
«Мой сверстник это — большое солнце» / Дарья Виноградова	39
«Юный врач говорит!» / Руслан Гельдыев	41
«Тачка на прокатку» / Дмитрий Герайкин	44
«На рейв или в театр?»: отношения подростков с театром в разных регионах России / Мария Горобец	46
«Слово пацана», «Бригада», «Брат» и другие: почему киноработы с криминальным контекстом вызывают противоречия в обществе, несмотря на их популярность? / Кристина Евдокимова	49
«Любовь на миллион». Как барнаульская студентка успевает учиться, учить, жертвовать и выигрывать состояние / Любовь Копытова	55
Молодёжные группировки в России: между прошлым и будущим / Иван Левченко	58
«Игра в литературу, или заигравшееся поколение» / Павел Пономарев	60
«Пара слов о плохой связи» / Анжелика Протасова	66
«Мне это надо!» / Наталья Смирнова	69

О ПРЕМИИ «МОЛОДЫЕ О МОЛОДЫХ»

Осенью 2024 года в Москве состоялось присуждение Премии имени Юрия Щекочихина «Молодые о молодых». Премию учредили Благотворительный Фонд Юрия Щекочихина, основанный его сыновьями Константином и Дмитрием, и Благотворительный Фонд «Счастливые истории», который вот уже 10 лет поддерживает творчество юных писателей, вручает премию «Глаголица» юным поэтам, прозаикам, эссеистам и переводчикам. К участию были приглашены авторы от 18 до 35 лет, работы принимались по трём номинациям: «Лучший репортаж», «Лучший очерк» и «Лучшая аналитическая статья», как опубликованные в СМИ, так и не опубликованные. В жюри премии вошли друзья, коллеги и ученики Юрия Петровича — первый секретарь Союза писателей Москвы Евгений Сидоров, первый капитан «Алого паруса» «Комсомолки» журналист Алексей Ивкин, последний капитан «АП» писатель Борис Минаев, Первый секретарь правления Союза российских писателей Светлана Василенко, обозреватель «МК», член СПЧ Ева Меркачева, Председатель Ассоциации союзов писателей и издателей России Сергей Шаргунов, главный редактор «Журналиста» Любовь Петрова. В адрес премии поступило более 200 работ из 47 регионов России и Германии.

В номинации «Лучшая аналитическая статья» победила москвичка Софья Буркина, текст «Почему дети убивают детей». Лучшим очерком жюри назвало работу Дмитрия Гасанова из Свердловской области «Общественная трагедия. Исправляют ли исправительные колонии». Лидером в номинации

Николай Рыбаков,
председатель партии «Яблоко»

Надежда Ажгихина,
директор Ассоциации «ПЭН-Москва»,
журналист

«Лучший репортаж» стала Наталья Трубина из Кировской области с текстом «Сердце Вятлага». Специальные призы получили также работы группы студентов Воронежского университета «Молчать нельзя говорить», очерк белгородца Евгения Толмачева «Полтора года в гетто» и репортаж Ольги Апытиной из Орловской области «Путь Междуречья». Все эти работы, как и другие вошедшие в «короткий список» премии, отличает не только пристальное внимание к острым социальным проблемам, стремление разобраться в их причинах и проявлениях, но и вполне «Щекочихинский» месседж — призыв к обществу, к действию во имя добра и справедливости. И так же, как он, молодые авторы рассказывают о тех людях, которые не могут молчать, помогают другим, добиваются справедливости — в больших городах и маленьких поселках. Лучшие тексты премии показали, что молодые журналисты и писатели повсюду в нашей стране пристально следят за происходящим, не боятся острых тем и умеют рассказать о проблемах и о своих героях, следуя неизменным традициям лучшей отечественной публицистики. Мы предлагаем вам подборку материалов, вошедших в «короткий список».

Молодые о Молодых

Международный конкурс
им. Юрия Щекочихина

София Буркина

победитель международного конкурса имени Юрия Щекочихина «Молодые о молодых»
в номинации «Лучшая аналитическая статья» (г. Москва)

«ПОЧЕМУ ДЕТИ УБИВАЮТ ДЕТЕЙ?»

Я крайне не одобряю и ни в коем случае не призываю к такого рода действиям. Тема острая и деликатная. Моя цель — разобраться в причинах исхода событий. Я хочу защитить общество разговором о проблеме. Ведь чем, как не словом, можно его защитить!

Идя на убийство, человек не решает своих проблем, только увеличивает их количество... А где найти ту руку помощи или как отогнать от себя мысли о часе расправы?

В московской квартире никого, кроме Сергея Гордеева. В полном одиночестве он открывает отцовский сейф и берёт ружьё. Медленно проводит рукой по гладкому прикладу. Казалось бы, выбор ещё есть, но он идёт убивать...

Статистика в России за последние 10 лет терактов в школах и других учебных заведениях возросла до 14 случаев шутинга в разных уголках страны. Первый теракт произошёл в 2014 году, а последний — в декабре 2023 года, совсем недавно... Что с нами происходит? Пытаюсь разобраться.

Сергей Гордеев выходит из дома, пряча ружьё за длинным пальто своей матери. Солнышко приближающейся весны светило прямо в глаза. У него было ещё 10 минут, чтобы передумать, пока он идёт до школы. Ещё был шанс предостеречь людей от гибели. Но он останавливаться не собирался.

В эти же дни Владиславу Рослякову, который устроит стрельбу в Керчи, было 13 лет, всего на пару лет младше Гордеева. Он сидел за партой на третьем уроке в своей школе. А из окна просачивались лучи солнца. Тогда он даже не задумывался о том, что через несколько лет пойдёт на то же преступление.

Малышке Алине (имя изменено) около года, она из Брянска и в 2023 году пойдёт в свою школу устраивать правосудие. В тот день мама вывела её на прогулку, потому что и там было солнечно. Яркие лучи грели совсем ещё маленькие щечки Алины. Она не помнит этого времени, но жизнь отправит её на ту же дорогу, что и Сергея.

Удивительно, что во всех городах, откуда стрелки, в феврале месяце было солнце. Все жили и не представляли, что когда-то и они откажутся на месте Сергея Гордеева. Они все пойдут убивать...

Страшный суд, производимый руками детей, вызывает вопросы, почему такое происходит? Почему дети такие жестокие? И нет, тут претензии не только к совершавшим преступление, но и к их окружению. Первопричины для расправы у всех индивидуальны, но я могу выделить те категории, которые провоцируют в детях агрессию к окружающим, а впоследствии и террористические действия.

Александр Асмолов, доктор психологических наук, считает, что: «Нужно рассматривать очень индивидуальные вещи. Прозвучит банально, но ключевой момент, который необходимо учитывать, — это воспитание, как страхование социальных рисков развития детей и подростков. Если воспитание в наших школах открывает пространство для агрессии и ненависти, тогда мы с вами и пожинаем то, что происходит сегодня».

Семья отражает в ребёнке все положительные и отрицательные качества. Воспитывая ребёнка,

вкладывая знания и умения, родители берут на себя ответственность за его будущее, за его действия. Ребёнок — это зеркало семьи, он, как губка, впитывает в себя всё, что видит в кругу мамы и папы. Бывают семьи, где ребёнка не слышат, не любят, не хотят им заниматься или, наоборот, у него вседозволенность. Эти факторы перерастают в конфликты, в недопонимание. Дети растут, знакомятся с компаниями, в которых могут себя проявить, и от того, как его воспитали, зависит, каким образом он отразит свой характерный потенциал. Это первая категория, которая может повлиять на представление мира и на поступки ребёнка.

Как бы это банально не звучало, но ко второй категории можно отнести Интернет, который имеет огромный вес в современном мире. Там есть много хорошего, но и плохого там столько же. Если человек ведомый, то его легко убедить в чём-то, убедить что-то сделать. Игры, сообщества и всё остальное могут отравить неустойчивую психику ребёнка и направить не в то русло.

Третья категория, самая популярная среди учащихся — буллинг. К сожалению, это самый распространённый катализатор для принятия решения совершить ответный удар. В подростковом возрасте, когда формируется устойчивая психика ребёнка, легче всего убедить его в своих недостатках. Ребята часто объединяются в компании и ищут слабого, чтобы самоутвердиться. Кому-то приходится от безысходности присоединяться к «стае», чтобы, не дай Бог, его не добавили в «чёрный список». Бывают и индивиды, которым нравится наблюдать, как страдает человек. Объединяясь в банды, выявляют «жертву», и начинается «охота».

Психоэмоциональное состояние человека может сыграть важную роль в принятии решения для расправы. Давление со стороны общества, накопленная агрессия внутри ребёнка, которая нагнетает и, так скажем, ломает его. Буря эмоций

накапливается и иногда выплёскивается в ужасные ситуации. У кого-то осознание для шутинга приходит со временем, даже через годы, у кого-то, наоборот, очень быстро. Чаще всего, когда дети сталкиваются с буллингом со стороны сверстников, это никак не прорабатывается, не обсуждается с родителями. Ребёнок скрывает проблемы, боясь осуждения со стороны взрослых. Да и дети, в период переходного возраста, считают, что они достаточно большие и сами смогут решить проблему. Есть и другая сторона медали, где ребёнок рассказывает старшим о том, что его обижают, но взрослые никак не помогают разрешить ситуацию. Тогда ребёнок понимает, что единственный выход — отомстить, не задумываясь о последствиях. В подростковом возрасте, когда эмоции бьют через край, сложно удержать внутренний баланс. Повезёт, если ребёнок устроит драку, но как мы видим, случаи бывают необратимые.

«Именно буллинг может послужить лишь триггером, лишь толчком к трагедии в школе, но не её основной причиной. Главное же сейчас заключается в том, что в современной социальной ситуации само понятие конфликта стало нормой поведения. Агрессия стала поощряемой нормой взаимоотношений между людьми. Вот главный и базовый источник подобного рода ситуаций как в нашей стране, так и в других странах мира», — говорит Александр Асмолов о проблемах и их причинах.

Сергей Гордеев — Москва

3 февраля 2014 года в школе № 263 вооружённый ученик 10 класса совершил террористические действия. На его счету три жертвы — двое убитых, среди них учитель и сотрудник полиции, и один раненый, также сотрудник полиции. В день расправы 15-летний школьник взял оружие из сейфа отца и отправился в учебное заведение, где помимо жертв взял в заложники одноклассников. Сергей пришёл, чтобы доказать теорию солипсизма*.

*Солипсизм — недоказанная теория, основанная на убеждении человека, который уверен, что он один в этом мире, а всё, что его окружает, — иллюзия и сон.

Школьник пытался убедить учеников 10 класса, что все они лишь его фантазия и всё, что он планирует сделать, ничего не будет значить, он не понесёт никакого наказания. После задержания Сергей Гордеев признался, что хотел после рассказа совершить суицид в знак доказательства своей теории.

Сергея Гордеева признали невменяемым и приговорили к принудительному лечению. В Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского вынесли вердикт после экспертизы и поставили Гордееву диагноз — «параноидная шизофрения»*.

Известно, что мальчик рос в хорошей полной семье, учился на «отлично», увлекался спортом, а также ходил в стрелковый клуб. Изначально отец обучал азам стрельбы из оружия. Друзей практически не имел. Увлекался видеоиграми, где видел больше смысла, чем в реальной жизни. Накануне преступления Сергей Гордеев поспорил с директором и учителем.

Не имея полной картины произошедшего, сложно судить, что послужило катализатором для такого рода действия со стороны подростка. Сергей на первый взгляд кажется обычным ребёнком с высоким интеллектом, но те факторы, которые мы имеем, открывают совершенно другой внутренний мир Гордеева. Отсутствие друзей повлекло за собой увлечение видеоиграми, которые могли повлиять на нарушение восприятия мира, но они не являются единственной причиной. Скорее, те игры, которые у подростка вызвали интерес, отражали тот смысл жизни, к которому он стремился. Его глубокие убеждения в солипсизме, — как зеркало игры. Ты выбираешь персонажа, проходишь уровни, совершаешь какие-либо действия, и если что-то идёт вне закона в реальной жизни, там отражается как отсутствие наказания. Можно предположить, что увлечение смешалось с реальностью, а с учётом поставленного диагноза версия зву-

чит правдивой, и его действия совершались на грани приступа шизофрении. Но полностью ответственность не лежит на видеоиграх, а лишь может быть провоцирующим фактором.

Отец учил Гордеева-младшего стрелять из оружия. Вроде бы нет ничего плохого, но если ребёнок имеет открытый доступ к небезопасным предметам, то тут можно сделать выводы, что это халатность родителя (Виктора Гордеева, папу Сергея, судили по статье о небрежном хранении оружия). Почему от ребёнка не прятали ключи от сейфа или не скрывали пароль? На этот вопрос мы уже не узнаем ответа. Помимо должного хранения оружия, родители не обращали внимание на изменение поведения ребёнка, ведь решение о преступлении не принимается за одно мгновение, а ссора в учебном заведении была бы заметна, Сергей мог нервничать, злиться, резко поменяться в негативном эмоциональном состоянии. Но родители также не заметили его убеждений и в теории солипсизма. Значит, они просто не разговаривали с сыном. В подростковом возрасте начинается изучение мира с разных точек зрения. Ребята в такое время начинают в чём-то убеждаться, а если родители вовремя не обратят внимания и не объяснят, что большинство убеждений ребёнка не являются истинными, то и нормальное восприятие жизни искажается в процессе формирования устойчивой психики.

Владислав Росляков — Керчь

В Керченский политехнический колледж 17 октября 2018 года перед окончанием первой пары (она заканчивалась в 11:40) в здание учебного заведения, через запасной выход проник 18-летний студент 4 курса — Владислав Росляков. На первом этаже он разместил взрывное устройство около буфета, где в перерывах между парами находится много студентов. Как только учащиеся начали появляться в опасной зоне,

*Параноидная шизофрения - психическое заболевание, характерное нарушением восприятия мира и нестабильным эмоциональным всплеском. Часто сопровождается слуховыми галлюцинациями (люди слышат голоса в голове).

прозвучал взрыв. В этот момент Владислав находился на втором этаже. А далее последовали выстрелы во всех, кто находился рядом. В прессе, по словам очевидцев, говорилось о нескольких взрывах и одиночных выстрелах из ружья. В ходе террористических действий погиб 21 человек, один из них сам Росляков, который совершил суицид на месте преступления, а также пострадали 67 человек. Это был самый массовый шутинг в учебных заведениях в России.

Эта история одна из самых таинственных. Во-первых, по причине смерти стрелка. Во-вторых, семья Владислава Рослякова и следственная группа не распространяют какую-либо информацию.

Что известно о преступнике? Он рос в семье, но родители развелись. Мама растила его в основном сама. После окончания школы Владислав поступил на бюджет в Керченский колледж. В «РИА новости» после массового убийства, по данным неизвестного источника, говорилось о том, что Росляков планировал своё преступление один с 2017 года. Летом 2018 года Владислав Росляков прошёл курсы по обращению с оружием, а ещё через какое-то время получил разрешение на хранение оружия и приобрёл его.

Если Владислав получил разрешение, значит, он удачно прошел психиатрическое обследование. Что послужило причиной для нападения в колледже, можно только предполагать. В СМИ ходит мнение о том, что Росляков был вдохновлён действиями американских школьников, которые устроили расправу в 1999 году в Колорадо. Но версия звучит более чем условной и, скорее всего, не несёт конкретного смысла для повтора подобного в России. Где-то говорилось, что парень подвергался моральному давлению со стороны одноклассников, а впоследствии и одноклассников. Официального подтверждения также нет, поэтому эта версия тоже условна.

Какие на самом деле были мысли у Владислава Рослякова, что стало пиковой точкой для принятия решения, почему он пошёл на самосуд? Это те вопросы, ответы на которые он оставил навсегда неизвестными.

Алина А. (имя изменено) — Брянск

Впервые в истории России девочка устроила стрельбу в школе со смертельным исходом. На гимназию № 5 города Брянска 7 декабря 2023 года напала вооружённая девочка, это была 14-летняя Алина, ученица 8 класса. Девочка вышла из дома с оружием своего отца, заранее спрятав его в тубус. В квартире находилась мать Алины, которая не заметила, что дочь выкрала из сейфа дробовик. Девочка направилась в свой класс, где ранила 6 одноклассников, одну смертельно. А после застрелилась сама.

Алина росла в полной семье со своей сестрой-близняшкой. Была замкнутой, почти ни с кем не общалась. За несколько недель до происшествия в школе проходили психологический тест на суицидальные наклонности. Девочка прошла его, что может говорить либо о том, что девочка была вполне вменяемой и на её будущие действия повлияло какое-то яркое событие; либо она отвечала так, как это нужно было; либо тест был халатно составлен и не выявил отклонения.

Есть две версии причины совершения преступления: первая — конфликт с одноклассницей из-за парня; вторая — издевательства со стороны одноклассников. Но насколько они могут быть правдивыми, остаётся загадкой.

По некоторым данным, известно, что Алина вела личный дневник, где записывала все свои мысли. Она мечтала о том, чтобы её одноклассники исчезли. А свой план она хотела совершить ещё 1 сентября, но ружья не оказалось в сейфе. Если это было на самом деле так, то можно сделать выводы, что у девочки и правда были конфликты с одноклассниками, и, соответственно, она решила им доказать, что тоже может дать ответный удар.

Родители за несколько дней до происшествия заметили, что Алина вообще никак не реагировала на их вопросы. Видимо, это была пиковая точка для повторного выполнения задуманного плана, если верить версии существования личного дневника. Но почему, видя изменения в поведении ребёнка, никто из членов семьи не обратился за помощью к специалисту? Почему, как

и в случае с Сергеем Гордеевым, отец (отца Алины привлекли к ответственности за халатное хранение оружия), который владел оружием, должным образом не скрывал доступ к сейфу? Тут, к сожалению, всё остаётся на совести родителей.

Ситуации и правда индивидуальны. Но что же так сильно побуждает человека совершить такого рода поступок? Сложно сказать, в голову к человеку не залезешь. Все люди разные, и всё индивидуально. В целом, сложно предугадать исход таких событий. Внешние признаки могут вообще ни о чём не говорить. Предотвратить стрельбу в учебных заведениях можно лишь общим изменением в обществе. В школах мало говорят о личных проблемах, дома тоже не всегда. Поэтому, пока не изменится общество, пока не поменяются рамки дозволенного среди одноклассников и учителей, такие ситуации будут происходить, как бы мне этого не хотелось говорить, к сожалению. Безусловно, дети подвержены влиянию других людей, что оставляет большой отпечаток в их жизни. Никто не застрахован от того, что ребёнок не начнёт продумывать план и следовать ему, в лучшем случае словесный или с кулаками, в худшем — самосуд. Если проанализировать все случаи шутинга в учебных заведениях со стороны подростков, то все идут мстить за что-то. Но месть — это блюдо, которое никогда не даст вкус облегчения, и наоборот, появится горький привкус тяжести. Выброс агрессии, месть за свою душевную боль — вот они, причины судейства детскими руками.

Нападения на учебные заведения в период с 2014 по 2024 год:

1. 03 февраля 2014. Сергей Гордеев (приговорён к принудительному лечению) — город Москва, школа № 263. 2 погибших, 1 раненый. На момент совершения преступления Сергеем было 15 лет.

2. 05 сентября 2017. Михаил Пивнев (приговорён к 7 годам и 3 месяцам лишения свободы) — го-

род Ивантеевка, образовательный центр № 1. 4 раненых. На момент совершения преступления Михаилу было 15 лет.

3. 15 января 2018. Лев Биджаков и Александр Буслидзе (приговорены: Биджаков к 9 годам и 8 месяцам лишения свободы; Буслидзе к 7 годам лишения свободы) — город Пермь, школа № 127. 15 раненых. На момент совершения преступления Льву и Александру было по 16 лет.

4. 19 января 2018. Антон* Б. (приговорён к принудительному лечению) и сообщники, которые помогали в организации, Александр* Р. и Илья* С. (приговорены: Александр к 4 годам лишения свободы; Илья к 6 годам лишения свободы) — посёлок Сосновый Бор, пригород Улан-Удэ, школа № 5. 7 раненых. На момент совершения преступления Антону и Илье было по 15 лет, Александру — 14 лет.

5. 18 апреля 2018. Артем Тагиров (приговорен к принудительному лечению) — город Стерлитамак, школа № 1. 4 раненых. На момент совершения преступления Артему было 17 лет.

6. 10 мая 2018. Илья Иванистов (самоубийство на месте преступления) — город Барабинск, колледж транспортных технологий имени Л.Н. Лунина. 3 раненых, 1 погибший — сам Иванистов. На момент совершения преступления Илье было 16 лет.

7. 17 октября 2018. Владислав Росляков (самоубийство на месте преступления) — город Керчь, Керченский политехнический колледж. 21 погибший, 67 раненых. На момент совершения преступления Владиславу было 18 лет.

8. 13 мая 2019. Искандер Халфин (приговорён к принудительному лечению) — город Казань, гимназия № 7. В заложниках у Халфина было 16 человек, 12 из которых ученики гимназии; пострадавших нет. На момент преступления Искандеру было 17 лет.

9. 28 мая 2019. Дмитрий* Г. (приговорён к 7 годам лишения свободы) — посёлок Большевик, город

*Имя изменено.

Вольск Саратовской области, школа № 4. 1 раненый. На момент преступления Дмитрию было 14 лет.

10. 14 ноября 2019. Даниил Засорин (самоубийство на месте преступления) — город Благовещенск, колледж строительства и ЖКХ. 2 погибших, 3 раненых. На момент совершения преступления Даниилу было 19 лет.

11. 11 мая 2021. Ильназ Галявиев (приговорён к пожизненному лишению свободы) — город Казань, гимназия № 175. 9 погибших, 21 раненый. На момент совершения преступления Ильназу было 19 лет.

12. 20 сентября 2021. Тимур Бекмансуров (приговорён к пожизненному лишению свободы) —

город Пермь, Пермский государственный университет. 6 погибших, 21 раненый. На момент совершения преступления Тимуру было 18 лет.

13. 13 декабря 2021. Владислав Струженков (приговорён к 13 годам лишения свободы) — город Серпухов, гимназия во имя преподобного Варлаама Серпуховского. 10 пострадавших. На момент совершения преступления Владиславу было 18 лет.

14. 07 декабря 2023. Алина* А. (самоубийство на месте преступления) — город Брянск, гимназия № 5.2 погибших, 5 раненых. На момент совершения преступления Алине было 14 лет.

Дмитрий Гасанов

победитель международного конкурса имени Юрия Щекочихина «Молодые о молодых» в номинации «Лучший очерк» (г. Берёзовский, Свердловская обл.)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ. ИСПРАВЛЯЮТ ЛИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ КОЛОНИИ?

— Ма-а-ам!

...

— Ма-а-а-ам!

— Ну что такое?

— А если человек... Вернее, мой сверстник,

возьмёт и, скажем, украдёт что-нибудь. Например кошелек у бабы Иры.

— Господи, ты чего? Ничего хорошего не будет.

Красть — смертный грех, а красть у старушки...

Это низко.

*Имя изменено.

— Я книгу дочитал. «Преступление и наказание», а там...

— А там за любым преступлением следует наказание. Это правильная книга. Бери от Раскольникова только лучшее.

— Я стараюсь...

— Ты вообще с чего мне такие вопросы стал задавать? Плохая компания? Проблемы в классе? Нет? Вот и славно. Чтоб я таких мыслей у тебя о Зинаиде Михайловне не слышала!

— Какие её годы? Ты же сама говорила, что она судьёй работала и уже с 35 лет сосёт государственные деньги на пенсии.

— Андрей, я тебе что сказала! Всё смешно?

— Ну я же без убийства.

Необычный диалог из квартиры обычной хрущевки. Прodelки журналистских ушей. Профдеформация.

Действительно, а куда попадают малолетние преступники? В свои юные годы они успели отбиться от батюшки-закона, но матушка-мораль не позволила отправить их в жестокий взрослый мир из-за возраста. Это же занимательно, наблюдать, как табу преступника сталкивается с табу ребёнка прямо на глазах и в умах людей. Где та арена, на которой происходит эта схватка, и как она называется?

Так мои мысли складывались в дорожку, которая привела меня к Юлии Титовой. Вернее, не так. Которая привела меня в недавно открывшийся, то есть новорождённый учебный центр в городе-спутнике Екатеринбурга — Верхней Пышме, а там в одном из кабинетов я отыскал человека, который знает, куда отправляются «маленькие преступники». Этого человека зовут Юлия Титова. Вот, так лучше.

Юлия выступит в роли Вергилия, который проведёт нас сквозь закрытый забор Кировоградской исправительной колонии самым действенным на сегодняшний момент способом. Через пересказ своих ощущений от посещения учреждения, за стенами которого так легко и так сложно оказаться на сегодняшний день.

Сумеречный лес

Когда Юлия училась на факультете государственного и муниципального управления в РАНХиГС, она занималась общественной деятельностью. А как иначе? Речь идёт о государственном управлении.

Общероссийский народный фронт и прочие-прочие, как титулы Николая II длинные, троюродные, четвероюродные и дальнейшие братья по «общественной ориентации». Подлинный же выбор среди провластных движений оказался небогат. И всё же девушку озадачили благородной целью. Требовалось заняться «инертными слоями молодёжи» — учащимися техникумов. Но чуть позже поняли, что копнули недостаточно; так в качестве объекта исследования появились обитатели исправительных колоний. Подходящая цель.

— Я восприняла это, — Юлия прервала рассказ, подбирая нужное слово, — странно... Но любопытство перевесило.

Первое, что мы ожидали увидеть, — строгий контроль. На территорию не так просто попасть. Второе, конечно, обыск, чтобы я ничего не пронесла. Без обыска никуда. Это самое сладкое дело в любой колонии. Жаль только, единственная сладость за неимением других начинает приедаться. А если сладость и без того была скудна? Тогда новые «конфетки» можно найти даже посреди болота.

Отношение сотрудников никогда не было грубым, ожидания мрачных и злобных дядюшек разбились о реальность, которая показала их человечными и даже по-своему милыми людьми. Да, именно такими, и это радует. Расстраивает же невозможность отследить их искренность. Когда Данте вступил в лимб, Харон тоже казался довольно безобидным и даже дружелюбным проводником в Ад. Так уж выходит, что к иностранным делегациям склонны проявлять чуть больше уважения. Не могу выкинуть эту мысль из головы.

Чистилище

Как только ты минуешь КПП, то выходишь на плац. Это большая площадка — место для ежедневных построений. Надо полагать, от этого и ненавистное. Строгости площадке добавляют расчерченные белой краской линии. Они контролируют расстановку отрядов и координируют нахождение администрации. У домика стоят ребята, напротив них — сотрудники. Всегда лицом к лицу.

При сочетании слов “исправительная колония для несовершеннолетних” общество представляет себе картину из фильма: каменные пространства, маленькие окошечки, решётки. В этой истории всё совершенно по-другому. Раз дети — всё должно быть мягче. Это скорее армия, чем тюрьма. Три здания по три этажа — казармы приятного бордового цвета. А их низ с лицевой стороны украшен детскими рисунками. Видимо, работы местных художников.

— А что за рисунки?

— Точно помню, что там был жёлтый щенок в футбольной форме. Он пинает мяч.

Это именно детские рисунки, даже несмотря на то, что возраст сидельцев, казалось бы, уже не тот. В исправительной колонии содержатся дети от 14 до 19 лет. Это странно.

— Есть ещё кое-что. Каждую зиму проводится конкурс снежных фигур. С плаца сгребают весь снег, а после используют. Всё должно идти в ход. Я точно видела танк из снега, но в основном это, конечно, животные. Поскольку ребята делятся на отряды, у каждого из них были свои фигуры. Когда ты ждёшь увидеть каменные серые здания, а при этом заходишь и видишь абсолютно обычный трёхэтажный жилой дом, возникают особенные ощущения.

Они возникли и у меня. Рисунки, которые вышли из-под тех же рук, которые когда-то совершили преступления. Головы, сменившие угрюмость на смирение. Способные на зло бугаи, внутри которых ещё теплится огонёк того нежного, детского, наивного, что совсем не вяжется с клеймом преступников. Эта поэтичность

вдохновляет меня как юного журналиста. Я хотел и получил, что мне было важно увидеть.

Рассказ Юлии прервал вошедший в аудиторию мужчина. По реакции лиц можно было предположить, что они хорошие знакомые. Это подтвердилось, когда она представила его. Это Александр, парень, отбывавший своё наказание внутри исправительной колонии. В прошлом. Сегодня он является совладельцем учебного центра.

В нашей “экспедиции” Александр ответственен за внутреннюю составляющую колонии.

Какое же это чистилище. Набрал немного воздуха и выдал небольшую поблажку за выгодный вид на фоне остальных учреждений-конкурентов, можно назвать это место раем. Немедленно сменим подзаголовок!

Рай

— А как же огромные решётчатые заборы, массивные двери?

— Да, это, пожалуй, одно из немногих ожиданий, которые оправдываются, — останавливается Юлия, но снова делает резкий рывок.

— Там в целом всё такое. Даже несмотря на то, что каждое здание отдельно огорожено забором. Ты не замечаешь его визуально. Нет ощущения, что ты находишься в зарешёченном пространстве. Ты не испытываешь давления.

На территории заключённые могут свободно посещать церковь. Религия, такая краугольная тема в произведениях Достоевского, пользуется сравнительно небольшой популярностью. Может быть, аудитория не та, или время не то, а может быть, и всё вместе. А может, и кто-то в чём-то ошибается.

— Но в бога верят там практически все, — добавляет Александр. — Ситуация вынуждает.

— А сейчас вы можете назвать себя верующим человеком?

— Нет.

Сама церковь не что иное, как белое здание, которое пахнет скромностью и дышит воском.

А вот купола, к сожалению, только голубые. На золото здесь введено табу.

Стало интересно, как выглядит руководство. Во время организации мероприятий внутри самой колонии Юлия тесно общалась с начальником, что может рассказать нам его кабинет? Пожалуй, более чем достаточно. У директора всегда было тихо. Возможно, из-за отсутствия секретарши. Это удивительно, но в колониях существуют проблемы с кадрами. Так тихо, что запах новопечённых документов и пыльных папок создавал контраст на фоне тишины и с особенным рвением оседал в лёгких. Да, казалось, что это место остаётся внутри тебя, как напоминание, предостережение. Запах распространялся далеко за пределы кабинета. Им фонит вся колония. И да, на полу постелен светлый, очень отзывчивый на движения ламинат.

Около медицинского пункта, про который важно упомянуть, есть вполне себе самодостаточная школа, а напротив — училище. А это уже интересно, верно?

Поскольку расхождение с ожиданиями является характерной чертой колонии, школа, не изменяя общим традициям, была без единой трещины на краске. Так бывает, когда к зданию бережно относятся и регулярно мажут финансированием. Чтобы понимать уровень достатка, лучше объясню: в кабинете информатики стоят компьютеры, классы ухожены, а гвоздем программы выступают пластиковые окна. По всем показателям достатка школа могла бы спокойно конкурировать с городской. Возможно, «храм знаний» описывался тёплыми красками из-за ощущения свободы внутри. Это шокирует обычных ребят, но школа, на окнах которой не было решёток, давала расслабиться и отдохнуть от физических нагрузок.

— С учителями там всё неплохо. Почему? Наверное, потому, что город маленький и все учителя в нем уже очень взрослые. Я обожаю всех учителей оттуда. Во-первых, они любят своё дело, во-вторых, к ребятам относятся очень хорошо — не так, как сотрудники. Что касалось проблем с кадрами, укомплектованность состава

есть. Работают директор, завуч, преподаватели. Не думаю, что там большие зарплаты, но, видимо, им хочется быть причастными к судьбам особых детей. Это мотивирует работать.

С какой стороны ни взгляни, положение осуждённых в школе успокаивает. Учителя щедро дарят знания всем желающим. Но какими бы сладкими не были мазки сахаром, основная часть осуждённых не готова к их получению.

Мы подобрались к точке, подводящей нас к ключевой фигуре, которая вдохновила меня написать этот текст. Конечно же, это обитатели колонии. Как они выглядят, чем живут, что их питает и мотивирует жить дальше?

Зелёная роба. Если добавить немного романтики — изумрудного цвета. Строгие штаны, причём, как мне рассказывали, если пацан следит за собой, он имеет возможность ушить их по размеру и выглядит нормально. Если же нет — он обречён ходить в больших штанах, как в мешке. Не думаю, что мода на оверсайз актуальна в исправительных колониях, а значит, авторитета это не добавит. Всё сделано из очень плотного материала. Я бы даже сказал, сурового. На робе обязательно присутствует карточка с информацией о заключённом: фамилия, имя, статья, чтобы всё было понятно. Иногда эти карточки разного цвета, чтобы были понятны риски. Например, склонность к суициду, склонность к побегу. Если вам интересно знать смысл каждого из цветов, привожу ответ зам. начальника колонии: «Вам это зачем?»

Зимой комплект закономерно утепляется пуховиком и шапкой-ушанкой. Цвет остаётся неизменным. Строго, здесь всё строго...

— В глазах ребят читается грусть, тоска и усталость. Да, усталости там очень много, — вспоминает Александр.

— А есть ли что-то кроме этого комплекта?

— Чёрная роба. Правда, носить её ты можешь только по выходным. Это праздничный наряд.

— А если испачкал робу?

— Вечером постираешь. Вручную. Чтобы утром был чистый, а если будешь на построении грязным, тебя заставят исправиться.

— А что внутри этих зелёных ребят, что скрывают зелёные робы и уставшие глаза? — Спрашиваю у Юли: мне показалось, будто что-то выбивается из основного пазла.

— Мне тогда показалось, что большинство ребят, которые там оказались, были достаточно уверенными в себе. Не знаю, как это объяснить. Они были крепкими. И несмотря на предрас судки, остались открытыми. Они были способны говорить, особенно если начать разговор с какой-то позитивной ноты. Конечно, были и исключения. Мы могли с ними и разговаривать, и темы обсудить, и пошутить. Понятно, что у них были свои правила общения с теми, кто приезжает. Я не чувствовала, что передо мной стоит человек, когда-то совершивший преступления, которые ты себе порой в голове представить не можешь.

Когда Юлия начинала работать в официальной волонтерско-исследовательской группе, ей было легко узнать, за что сидят местные осуждённые. Они сами, притом без смущения, делились этой информацией. Кого-то могли забить до смерти, кому-то нанести тяжкие телесные повреждения. Как легко и буднично сказано!

Если разговор заходит о жизни осуждённых внутри колонии, не найти человека лучше, чем тот, кто прошёл Кировоградскую «школу», — её выпускника. И этот человек сидел сейчас передо мной. Исправившийся и успешный. А ещё очень сдержанный и молчаливый. Большую часть времени «путешествия» он пребывал в молчании. Часто смотрел в телефон, временами отходил. Бизнесмен. О чём говорит долгое молчание?

— Как сотрудники воздействуют на воспитанников колонии? Сбавим уверенность. С ними есть какой-то контакт?

— Смотря какой сотрудник. Если это начальство, то они, конечно, могут и кричать.

— А им можно возразить?

— Возразить? Нет, ты просто подчиняешься в молчаливой форме, ты ничего не можешь сделать. Скажешь что-то против — получишь «люлей» нормальных.

— Но люлей не физических?

— Физических, а как же? Только не от них, а от дедовщины.

И с этого момента всё изменилось.

Дедовщина, она и в Африке дедовщина, духи получают полномочия над остальными ребятами и точно так же получают люлей, если накосячат.

У нас был парень из Челябинска, длинный такой, физически развитый. Каким-то образом он насолил начальству. А начальство напрямую скомандовало кому надо. К его сожалению, старшие были не менее спортивными. Наступил вечер. Вокруг провинившегося парня хищно сомкнулось кольцо компании. Он не смог долго продержаться на ногах, а когда ты лежишь на земле, ты уязвим, можно сказать, беззащитен. На протяжении нескольких минут они избивали его жопу стальным грифом от турника. На теле не должно быть синяков, на лице тем более. Жопа — лучшая цель.

Ад

Ночью в кубрике — комнате, где одновременно спали по пять человек, бедняга не выдержал и на эмоциях обозвал кого-то из руководства [прим. ред. мат]. У стен есть уши. Кто-то цепанул, и утром эта информация оказалась у старших. Очень быстро, как тромб по кровотоку, она доползла до начальства. Нужно было сделать так, чтобы он забыл о существовании сказанного слова. Он не ограничился новыми синяками ниже пояса. То есть подключились более элегантные и действенные. Мы из своих корпусов слышали. Позднее говорили, что ему чуть ли не иголки под ногти вставляли. За точность не ручаюсь, но крик того пацана был душераздирающий. Никогда его не забуду.

Карты сложились. Хочется оглянуться назад и со всех ног побежать к рисункам. Снова посмотреть на жёлтую собаку, что пинает мяч. Представить армию из снежных скульптур, которые, как терракотовая армия, охраняют... Что?

Я почувствовал себя обманутым, обкуреным то ли запахом документов из кабинета директора, то ли собственными сахарными впечатлениями, которые представлял себе во время рассказа Юлии. Я понял, что общее незнание жизни в исправительной колонии не так страшно, как пыль, пускаемая в глаза тем, кто познакомился с этим местом. Детское творчество оказалось фикцией. Собака, выступающая в роли футболиста, олицетворяла ребёнка, которого насильно заставляли играть с мячом. Играть с мячом так, как это делают все люди. Но человек с маленькой буквы неспособен стать Человеком с большой буквы, небрежно повторяя действия последнего.

Мир колонии оказался местом, где человеческое существование низвергнуто до самых базовых понятий устройства людской личности и нашей цивилизации. Здесь правят система, лицемерие и цинизм. Здесь змей кусает самого себя за хвост. Здесь сущность всех людей наглядно распадается на вполне понятные даже далеким от физики людям атомы. От исправительной колонии для несовершеннолетних следует начинать разговор об обществе.

— Раньше я думала, что этому месту не хватает человечности, а потом пришла к выводу, что её не должно быть слишком много. Как я и говорила, было много разочарований. Например, некоторые пацаны могли внаглую просить у меня деньги. Мы пытались их трудоустроить — они не выходили на работу. Неприятно, когда ты к ним расположен, а они поворачиваются к тебе совсем не лицом.

— И таких много?

— Большинство.

— Я не готова сказать, что они не вернуться. Я не готова сказать, что они что-то исправили в своей голове. Поэтому я молчу про образовательную составляющую. Может быть, действительно нужно их так перегрузить, чтобы они сами на своём уровне что-то осознали. Единственное, чего не хватает, так это внимания с точки зрения СМИ, а не контролирующих органов, там этого «добра» достаточно.

Недостаток внимания — как ни посмотри, главная проблема всех кругов этого «романтического» мира.

Как же так получилось? Разве исправительные колонии не лакомый кусочек для любого журналиста? Нет, эта тема почти не обсуждается. Никто не проводит круглые столы с обсуждением «Как реабилитировать подростка». Вместо этого их списывают в один контингент. Что взрослых, что ребят из воспитательной колонии — подростков и юношей.

Возможно, власти заинтересованы в решении проблемы? 6 февраля 2023 года был принят закон об апробации. В нём нет ни слова про воспитательную колонию. Поэтому де-юре методы точно такие же, как во взрослой.

— Как так получилось, что тема детских колоний осталась без внимания?

— Я не знаю, — таков короткий ответ Юлии.

Пожалуй, было глупо надеяться на иной ответ. Мой вопрос скорее был рефлекторным, необходимым, чтобы понять, что не я один не понимаю, как происходящее может называться реальностью.

— Как бы вы описали исправительную колонию?

Александр не потребовалось много времени на размышления. И обошёлся он всего тремя словами:

— Цирк, армия, лагерь.

Юлия старалась подобрать наиболее объективные слова:

— Первое — это картинка. Картинка, которую загоняют всем, кто туда приезжает извне. Эта схема налажена у них на профессиональном уровне. Тебе никогда не дадут возможности узнать внутренности, если только потом не получить эти знания во время живого общения. (Как же мне повезло со столь чутким и разговорчивым героем и экспертом, как Юлия, — снова и снова думается мне.) Второе слово — дети. Там много детских глаз. И говоря про воспитательную колонию, про это никак нельзя забывать. И завершающее — стагнация.

Итак: картинка, дети, стагнация.

Оказавшись перед тем собой, который отправляется на своё последнее преступление, что бы ты сделал?

— Ничего бы не делал (долгая пауза)... Хороший опыт...

— М-м? — я в растерянности...

— Может быть, если бы я тогда не совершил то преступление, меня закрыли бы по другой статье, менее снисходительной. Это хороший опыт, который дал мне дорогу в прекрасную жизнь.

Безнаказанность порождает беспредел. И это, пожалуй, самые главные слова, которые должны были прозвучать в моём очерке. Безнаказанность порождает серьёзный беспредел. Остаётся только понять её происхождение.

— И мы бы, скорее всего, никогда не встретились с Юлией. А значит, и вряд ли бы поженились...

— Вы женаты?!

Самые главные слова в моём очерке прозвучали именно сейчас. Занавес.

но. Таково устройство жизни. А роли уже распределены. Верхушки так уж точно. Если брать Достоевского, то там — это Бог. А в реальности? А в реальности есть люди, которые забираются выше Бога. Вот одна из причин, почему реальность оказывается куда сложнее.

Неужели любовь, искренность и остальные высокие чувства — единственный способ выбраться из ямы? Человеческие отношения — действенный, но локальный метод, не рассчитанный для большинства. Власть не мыслит такими категориями. А народ? Народ, пожалуй, и не заслуживает.

Как же получилось, что Данте Алигьери оказался так право неправ? Спустя семьсот лет после написания поэма диаметрально изменилась, были переименованы персонажи, сюжет оброс новыми историями, а самое главное — Беатриче отправляется в путешествие к Данте. И только редкие сердца беззвучно, тоскливо шипят, осознавая, что лиричная «Божественная комедия» сменилась на прозаичную общественную трагедию.

Сумеречный лес

Мир не чёрно-белый, он больше походит на сумеречный лес. Может ли это быть оправданием для совершения насилия? Где рамки установленного насилия и кто имеет право выносить приговор тем, кто преступил черту? Не то, чтобы наказание не должно следовать за преступлением. Я много в чём не согласен с Достоевским, но эта часть — столб. Кто будет контролировать тех, у кого в руках есть сила карать провинившихся. Способны ли они сами одурманиться своей правотой и превысить полномочия? Уверен в практически синхронном и однозначном ответе на этот вопрос со стороны общества.

Возможно, стоит пойти дальше и поставить новых людей карать заигравшихся карателей?

Но в эту игру можно играть до бесконечности. Хотя, пожалуй, что нет. Это уже давно придума-

Наталья Трубина

победитель международного конкурса имени Юрия Щекочихина «Молодые о молодых»
в номинации «Лучший репортаж» (г. Киров, Кировская обл.)

«СЕРДЦЕ ВЯТЛАГА». РЕПОРТАЖ ИЗ ПОСЁЛКА ЛЕСНОЙ, ГДЕ НАХОДИТСЯ КОЛОНИЯ СТРОГОГО РЕЖИМА

На северо-востоке Кировской области, в глубине Верхнекамского района стоит посёлок Лесной, именуемый сердцем Вятлага. В прошлом веке здесь находился один из крупнейших исправительно-трудовых лагерей в системе ГУЛАГ, а сейчас действует колония строгого режима – ИК-27. Мы побывали в Лесном и узнали, как живёт посёлок в наше время.

Путь длиной 300 км

В сердце Вятлага мы уехали в предпоследнюю февральскую субботу. Около 6 утра из Кирова на «Ларгусе» нас забрал житель Лесного, таксист Александр Иванович. Нам предстояло преодо-

леть пятичасовой путь длиной 300 км. Билет в один конец на одного человека стоит 1400 рублей.

— Два дня в Лесном было минус 40, я машину с буксира заводил, — поделился с нами Александр Иванович. — Сегодня тоже, наверное, мороз будет...

Под шансон мы миновали Слободской, Белую Холуницу и Кирс — столицу Верхнекамского района, посёлки Светлополянск, Рудничный и Созимский. В последнем проезде наблюдали дома с вытянутыми вверх крышами, характерными для европейского стиля. Говорят, местную

Расстояние от Кирова до Лесного — 300 км

архитектуру создавали немцы.

Оставляя позади лесное «метеоритное» озеро, о котором местные жители слагают легенды, мы приближались к месту назначения. Ехали всё медленнее — снег не смог скрыть неровности асфальта.

— Вот и Лесной — он в яме построен, в болотине... — заключил Александр Иванович. Казалось, мы ехали вечность.

«Забирал свободу, чтобы потом её дарить»

Лесной встретил нас солнцем и морозом, щёки щипало, как в минус 20. На центральной площади у добротного Дома культуры играла классическая музыка. Вкупе с деревянными административными постройками в том же европейском стиле и заброшенным советским универсамом это создавало несвойственную для обыденности атмосферу.

Дом культуры в Лесном выполнен в стиле баухаус

Заведующая сектором по работе с детьми местного Дома культуры, 32-летняя Анна-Алиса Ипатова погрузила нас в историю посёлка, которую она с лёгкой руки своей мамы (бывшего директора учреждения) собирает буквально по крупицам. Девушка создала музейную комнату, где выставила сохранившиеся архивные фотографии, предметы и печатные материалы.

— История Лесного началась в 1938 году, — рассказала Анна-Алиса. — Она отнюдь не радужна. Посёлок изначально назывался Соцгородком. Он создавался, чтобы людям было плохо. Заключённые строили железную дорогу, валили лес даже в страшный мороз. К началу 1940 года Вятлаг насчитывал более 20 тысяч человек. Половину из них составляла интеллигенция — политзаключённые, которые входили в труппу местного музыкально-драматического театра, прозванного в народе крепостным. Он был отдушиной для людей в то непростое время.

В здании Дома культуры в Лесном

Анна-Алиса провела в Лесном большую часть своей жизни. После окончания школы училась и работала в Кирове, но вернулась обратно в посёлок. Сейчас помимо работы в Доме культуры она увлекается фотографией.

— В городе я постоянно будто бы в напряжении, жду подвоха. В Лесном же чувствую полнейшую свободу, — призналась собеседница. — Здесь не страшно, несмотря на близость к колонии. Я могу гулять ночью и видеть звёзды. Как вы живёте в городах без этого? Там же ничего не видно. Мне нравится сама концепция отрешённо-

сти. Мне нравится сама концепция отрешённо-

Музейная комната

сти, чистота воздуха, безопасность. Удивительно, но Лесной в начале своей истории забирал у людей свободу, чтобы потом её дарить...

«Это называется жизнь»

Шесть раз в неделю в Доме культуры для жителей Лесного проводит йогу 38-летняя Мария Клаусеггер. На занятия к девушке ходит около 20 человек. Восемь лет назад Мария вернулась в родные края из Америки, где прожила 10 лет. Сейчас, кроме йоги, она обучает детей английскому языку на дому. В свободное время ката-

Йогу для жителей Лесного Мария ведёт 4 года

ется на лыжах, а летом ходит в лес за грибами и ягодами. У девушки три собаки, которых она взяла с улицы. С ними она гуляет каждый день.

— Я родилась и выросла в Лесном. После школы училась на переводчика и уехала в США по про-

грамме студенческого обмена Work and Travel. Работала официантом в детском лагере в штате Висконсин (недалеко от Чикаго). Затем вышла замуж и переехала в Милуоки, где училась на переводчика, факультативно изучала африканские танцы и жила активной студенческой жизнью. Потом моя душа потребовала Нью-Йорка, и я уехала туда на пять лет, работала в ресторане, — рассказала Мария.

По её словам, путешествовать по Америке особо не получалось — основное время занимала работа. В свой отпуск девушка приезжала в Киров.

— Моя мама звала меня домой, и когда в один из отпусков я приехала в Лесной на два дня, то решила остаться. Сейчас веду йогу, слушаю подкасты на английском, чтобы потом обсуж-

На улицах посёлка

дать их с детьми, и мне это нравится. Это можно считать работой? Одна моя знакомая сказала: «Это называется жизнь», — улыбнулась Мария.

За колючей проволокой

Сейчас численность Лесного — около 1,5 тыс. человек. Местные жители приветливые, гостям рады. В посёлке недавно отремонтировали школу, сейчас там учатся 160 детей, работают 15 учителей (часть преподавателей приезжает из соседних посёлков). Есть трёхэтажная музыкальная школа — единственный педагог обучает ребят игре на фортепиано и домре. В Лесном работает больница ФСИН, есть стоматолог и медсестра.

На улицах посёлка

Другие врачи, в том числе детский, приезжают из соседних посёлков. Скорая помощь базируется в Созимском.

Заброшенные здания и дома в Лесном соседствуют с жилыми — частными, кирпичными четырёхэтажками и деревянными бараками. Мимо последних мы прошли до ИК-27, которая находится в 2–3 км от центра посёлка. Этот район называют Комендантским.

На территории колонии — пункт приёма и переработки древесины. Колючая проволока протянулась почти до самого леса. За забором — вагоны-лесовозы. По внутренним ощущениям, от пребывания здесь некомфортно так же, как от холода на улице. На железной вышке надпись: «Добросовестный труд — путь к условно-досрочному освобождению»...

«Не падаем духом»

Местные жители поговаривают о закрытии колонии и, как следствие, самого посёлка — 90% населения так или иначе связаны с работой в ней. Ирина Владимировна, женщина в возрасте, которую мы встретили на улице, живёт в Лесном с 1998 года. По её словам, всё это время люди говорят, что посёлок хотят закрыть. Сейчас она собирается переезжать к дочке в Краснодар, потому что слухи усилились. В свою очередь в УФСИН информацию о закрытии колонии «Источнику» категорически опровергли. Другие местные жители, с которыми мы пообщались, с 2014 года ждут сертификата на расселение, но в целом на жизнь не жалуются.

Заведующая Лесным территориальным отделом администрации Верхнекамского муниципального округа Любовь Доготарь рассказала, что люди уезжают, но те, кто остаются, не падают духом.

- У нас есть каток, стадион с новыми тренажёрами, которые пользуются популярностью. В июне традиционно отмечаем День посёлка, — говорит Любовь Афанасьевна. — Жители работают в колонии, школе, детском саду. Губернатор Александр Соколов обещал до 2027 года сделать дорогу до Лесного. 11 километров от Кирса уже сделали. Мы не отчаиваемся, живём, катаемся на лыжах...

Ольга Апыхтина

призёр международного конкурса имени Юрия Щекочихина «Молодые о молодых»
в номинации «Лучший репортаж» (Орловская обл.)

ЛЮДИ И СУДЬБЫ. ПУТЬ МЕЖДУРЕЧЬЯ

Междуречье... Среди населённых пунктов Мценского района это поселение занимает особое место. Уже 12 лет в нём живут люди из разных уголков нашей страны, создающие свой мир, существующие в гармонии с природой. Корреспондент «МК» побывал там, чтобы узнать, как живут бывшие обитатели мегаполисов в мценской глуши.

Шашкинский дрифт

По дороге в Междуречье я не раз и не два сверялась с картой — уж очень отдалённое место выбрали для поселения его жители: больше 26 километров от Мценска, недалеко от слияния двух рек, в окружении лесов и полей. Немудрено и заблудиться...

Не доезжая до Шашкино, прошу водителя свернуть вправо, прямо в поле. Тот скрепя сердце соглашается и тут же об этом жалеет: дорога — сырая, комкающаяся грязь, кочки и колеи. Машину постоянно заносит то вправо, то влево, колеса тонут в мешанине из травы и глины. Настоящее ралли с дрифтом. «Если завязнем, придётся вызывать спасателей», — эта настойчивая мысль не даёт мне покоя.

У самого леса замечаю деревянный указатель «Междуречье». Значит, мы на верном пути. Метров через 500 выбираемся в поле и тут же видим первые домики. Они расположены не рядом, а в отдалении друг от друга.

Вокруг ни души. Что делать? Где искать людей,

с которыми договорилась о встрече?

Стучусь в ближайший дом — открывает молодой мужчина. Узнав, что я корреспондент, поселенец охотно показывает мне путь:

— Езжайте ещё километр вот в ту сторону, а потом идите пешком вдоль леса ещё метров 500 — там на опушке будет общий дом, в котором вас ждут. На машине вы просто не проедете.

У леса, на опушке...

Непростая дорога к Междуречью сполна компенсировалась природой, простирающейся вокруг: бескрайние поля, смешанный лес и кристально чистый воздух...

— Да, у нас тут красиво, — улыбается вышедшая мне навстречу стройная черноглазая девушка — Мария Валеева, жительница Междуречья, с которой я договорилась о встрече. — Но дорога, конечно, подводит... Всё никак не удастся её сделать — дорого очень. Пойдёмте, тут недалеко!

Сворачиваем на поляну у края леса и попадаем на благоустроенную площадку. На опушке — уютный дом-купол, какое-то двухэтажное здание, детская площадка, небольшой хозблок...

— Это наш детский досуговый центр и общий дом — места, где жители Междуречья собираются, чтобы посидеть вместе, пообщаться, отметить какой-нибудь праздник. Проходите!

Поднимаюсь по ступеням в деревянный купольный дом. Открываю дверь... В лицо пахнуло жаром из свеженатопленной дровяной печки,

ароматом сушёных луговых трав. Оглядываюсь вокруг: просторный двухэтажный зал с библиотекой, кухней и детской. У окна — большой стол и диванчик, слева — стол поменьше (как я потом узнала — место для игр и творчества, чтения).

— Здравствуй, тетя! — бежит мне навстречу весёлый мальчуган лет трёх. — Ты в гости?

— В гости! — соглашаюсь я, кивая маленькому «хозяину», за которым прячутся ещё несколько ребятишек.

— Заходи! Мама, к нам гости!

— Гостям мы всегда рады, — встречает меня улыбчивая девушка в голубом платье — Татьяна Иванова. — Проходите, садитесь. Будете иванчай? (я киваю). Прекрасно! И шоколадом угощайтесь — он у нас на меду с ягодами. Сами делаем!

— Спасибо большое. Расскажите, пожалуйста, как так получилось, что жители больших городов решили переселиться в мценскую глушь?

— Мы были очень молоды, активны, не любили город, зато любили природу, обожали собираться вместе, были легки на подъём и со смехом относились к фразам «это невозможно» и «ничего не получится», — говорит Мария Валеева. — Лично я работала в Москве, но потихоньку осваивала участок в другом поселении, где на майские праздники и познакомилась со своими будущими единомышленниками.

Всё это произошло около 12 лет назад, в моей жизни тогда всё перевернулось с ног на голову, начался абсолютно новый этап. Я уже успела переехать с Камчатки, пожить в Москве, за границей. Последовали поездки по поселениям и осознание, что нужно создавать своё.

Мы с ребятами начали думать, где бы нам хотелось жить, — и на этом этапе разделились на несколько малых групп. Кто-то для себя понял, что не хочет создавать поселение, а хочет лишь приезжать туда, чтобы пообщаться. Ещё несколько человек захотели жить на севере и поехали туда. Наша же группа обратила своё внимание на юг от Москвы. В этом-то направлении мы и стали искать «своё место». Уточняли всё до мелочей: от пород деревьев в лесу, километража до

города, почвы, ширины реки до того, в какой части поселения должно вставать солнце. Всё записали и периодически перечитывали. Это даже был не образ поселения, а образ земли, где оно возникнет. Пунктов было настолько много, что мы даже переживали, что они не совпадут. Поиски длились почти 3 года и завершились здесь, в Междуречье.

Кроме внешней работы («работы ног»), мы проводили и работу внутреннюю. В холодное время года собирались в Москве, обсуждали организацию жизни в поселении, то, как будем жить, общаться, строиться, делились своими взглядами, учились слушать друг друга. Конечно, всё это была абсолютная теория, мы были совсем юные и вообще без всякого опыта в этой сфере.

Дальше следовал этап оформления, покупки земли. Мы не знали, что конкретно делать, учились всему с колёс, все делали на голом энтузиазме, с минимальным стартовым капиталом. Были и внутренние размолвки — кто-то из команды ушёл, кто-то пришёл... Но, к счастью, в итоге всё сложилось. Нам удалось оформить землю в собственность, сдвинуть процесс с места. Как — понятия не имею! Сейчас вспоминаю все моменты, когда всё могло не сложиться из-за одной бумаги, одного неверного действия... Наверное, сегодня бы мы за это всё не взялись. А в то время очень молодые были, горячие. Видели свою мечту — и не видели препятствий.

— Мы уже тогда были командой, которая друг друга вдохновляла. В трудные минуты мы напоминали друг другу, ради чего всё это делается, — отмечает Татьяна. — Отступать было некуда — за нами была Москва (во всех смыслах). Но мы там жить не хотели...

Своим трудом

Пока мы разговариваем, в дом заходит всё больше людей — молодых мужчин, женщин, детей. Все с любопытством прислушиваются к нашей беседе, но своих ежедневных дел не бросают: надо же и с малышами поиграть, и обед приготовить...

— Сейчас у нас в поселении постоянно живут 23 семьи, каждая из которых строит дом, ведёт натуральное хозяйство, — продолжает Мария.

— Построить дом — это очень дорого, а места здесь... Скажем так, дальние. Как удаётся справляться молодым семьям, с детьми?

— Если вы про деньги, то у каждого свой источник заработка, — отвечает Татьяна. — У кого-то есть бизнес, кто-то сдаёт квартиру, кто-то умеет инвестировать. Есть те, кто работает удалённо, через Интернет, ездит на вахты. Да, конечно, строиться сейчас очень дорого, но жители нашего поселения в основном делают всё своими руками. Лишь некоторые для возведения своих домов нанимают рабочих.

Кроме того, у нас есть ежегодный взнос для общественных нужд: каждый год в декабре мы приходим на общее собрание, решаем, что нам нужно сделать в следующем году и сколько потребуется для этого денег. Потом прикидываем, сколько одной семье нужно сдать в год (естественно, сумма должна быть для неё приемлемой). Например, в этом году взнос составил 16 тысяч. Эти деньги ушли на содержание общего дома, газ, дрова, электричество, стройку, мероприятия (у нас проводится, например, фестиваль «Радость жизни»). Конечно, бывают споры по тем или иным вопросам, но определяющим фактором является то, что все хотят жить дружно. Мы — друзья, а с дружбой и дело спорится.

— У вас подрастают дети. Как решаете вопрос со школой?

— У нас пока только три девочки школьного возраста (среди них — моя дочка). Они учатся в Миново. Но я, честно говоря, поглядываю в сторону домашнего образования, — вступает в разговор ещё один житель Междуречья — Сергей Болодурин. — Причин для этого много: и возить каждый день по таким дорогам сложно, да и ребёнку будет комфортнее дома...

— Но сейчас же есть и дистанционное образование...

— Только не дистанционное! Хочется, чтобы в обучении всё же участвовал человек, а не экран компьютера. При этом обычная система образо-

вания нам тоже не очень подходит. Дома мы можем учиться в своём графике, сдавать в своём ритме тесты, контрольные, нанимать тех педагогов, которых считаем необходимыми. В школе такой возможности нет.

— У нас вообще есть мысль сделать свою школу, домашнюю, в которой родители детей объединяются и совместно преподают, — говорит Татьяна.

— А как же экзамены?

— Будем приводить малышей в образовательное учреждение, сдавать — всё как положено. Либо как вариант — прикрепиться к школе и тоже дистанционно сдавать контрольные работы, — пожимает плечами Сергей.

— Как быть с маленькими детьми? Без детсадов справляетесь?

— У нас есть свой. Родители ежедневно, по очереди, занимаются с детьми поселения: вырезают из бумаги, лепят, рисуют, проводят уроки в театральной студии, устраивают конкурсы поделок. Вот чем вы, Бажена, сегодня занимались? — обращается Татьяна к девочке, играющей неподалёку. Бажена улыбается, но молчит, пряча ладошки со следами краски. Потом всё же признается:

— Красили! Но что, не скажу!

— Они поделку к Дню матери готовили, — шёпотом выдаёт тайну Мария.

— Но какую — всё равно не скажу! — заливаются смехом Бажена и убегает в детскую.

— А как у вас в поселении обстоят дела с медобслуживанием? — возвращаюсь к беседе я.

— Как и во всех сёлах, — отвечает Татьяна. — Запасаемся аптечками, ездим в районную больницу, ближайšie сёла на фельдшерско-акушерский пункт. У нас даже есть группа в ватсапе на экстренный случай — вдруг у кого что случится.

А вообще, конечно, своё здоровье мы стараемся беречь. Поддерживаем иммунитет мёдом, травами. В поселении все ведут трезвый образ жизни, не курят даже.

— Зимой бывают большие снегопады, в которые за пару часов заметают даже благоустроенные трассы. Как вы живёте здесь в это время?

— Так же, как всегда, — утверждает Мария. — Пришла метель — берёмся за лопаты и сами всё чистим. Кроме того, у нас есть свой трактор, тракторист — он чистит нам проезд к поселению (ну и администрация района тоже помогает). Например, когда у нас в прошлом году трактор не завёлся в морозы, мы неделю сидели в снежном плену, но потом попросили помощи у районной власти. Она пришла на подмогу: дала технику, расчистила проезд... Райадминистрация вообще всегда приходит к нам на помощь, поддерживает нас. Хорошо бы, если бы ещё как-то помогла с дорогой, хотя бы со стороны Миново! Это был бы большой плюс.

А так мы большинство вопросов решаем сами. Например, у нас есть официально зарегистрированный ТОС «Наше Междуречье»...

Военный, пчеловод, печник...

В тот день я познакомилась со многими жителями Междуречья, один из них — Олег Миненко, пчеловод и печник. Свою работу он знает на отлично: занимается ей много лет. В Междуречье живёт с женой Антониной и двумя детьми.

— Перед тем как приехать в поселение, мы с супругой немало поехали по России, — говорит Олег. — Нам надоели города, хотелось свежего воздуха, природы, простора... Искали самое лучшее, своё место. Нашли в Междуречье. Соседи тут хорошие, весёлые, да и до Мценска не так уж далеко — 40 минут на машине.

— Давно занимаетесь пчеловодством? — интересуюсь я.

— Много лет. Начал после выхода в отставку (я офицер запаса). Сейчас держу 25 ульев здесь, на своём участке (благо, у меня он большой, площади позволяют).

Плюсов у пчеловодства полно, мёд всегда в цене. Но, как и во всяком деле, здесь есть свои тонкости. Например, вечная проблема — отравление пчел после обработки полей гербицидами. Вы уж напишите в статье, чтобы сельхозкомпании были аккуратнее!

А что касается печек... Этим ремеслом ещё мой дед занимался.

— Он вас и научил?

— Нет, к сожалению — дедушка умер задолго до того, как я стал интересоваться его делом. Так что печное ремесло мне пришлось изучать самостоятельно...

Впервые я взял в руки мастерок, когда переехал жить в деревню. Там в доме не было газа — только старая, плохая печка. Пришлось приводить её в порядок. Посмотрел, прикинул, как и что достроить, починить. Почитал соответствующую литературу... Сделал. Потом пришла соседка, сказала: «Ух, какая у тебя печь красивая стала! А мне сможешь такую сделать?» Конечно, отчего же нет. Затем ещё люди стали обращаться... Так и повелось.

Вот уже 11 лет печное дело, наряду с пчеловодством, для меня — основной способ заработка. Заказов полно, и не только в Орловской области. Сейчас я строю в основном дорогие, красивые печки — не маленькие, как на дачах, а большие, на 1500 кирпичей.

Олег долго перечисляет преимущества своей профессии, хвалит жизнь в Междуречье. Потом вздыхает:

— Вот только расстраивает, что к нам, переселенцам, некоторые коренные жители Мценского района относятся недоверчиво. Какие только слухи не пускают! Придумывают такое, что сказать совестно! Например, у меня только ленивый не спросил: а правда, что вы, междуреченцы, сектанты? Нормальный ход, думаю. Говорю: а вы почему так считаете? Они мне — ну вы же около Шашкино живёте, в лесу...

В лесу... Тоже мне, аргумент нашли. Приходится объяснять, что мы такие же люди, как все, просто от городов уставшие. Хотим своим трудом жить.

Подпевая лесу

Пока мы беседуем с Олегом, в дом заходят Степан Усач и Екатерина Рагушная — семья музыкантов, создавших фолк-группу «Хорошо-да-Ладно». Спешу задать несколько вопросов и им:

— Как вы оказались в Междуречье?

— Нас схватили, привезли и оставили, — смеется Степан. Потом продолжает:

— На самом деле, конечно, у нашего переезда долгая история. Она началась в 2015 году, в Краснодарском крае, в Геленджике (там мы с Катей познакомились). Полюбили друг друга, создали семью, стали искать место, где будем жить.

— Сначала мы со Стёпой ездили в Междуречье на фестивали, — продолжает Екатерина. — Нам тут очень нравилось, мы всё решались-решались перебраться... И решились. Живём уже 3 года.

— Чем вас привлекло поселение?

— Сюда хочется возвращаться. Это как с женщиной — красивых много, но тот, с кем хочется жить, к которому тянет, — один. Вот и с Междуречьем так же. Пожив здесь, другого не хочется.

— В России мест много — и более живописных, и более обустроенных. Но они не наши. Родное — одно, — соглашается Степан.

— Музыкой давно занимаетесь?

— Больше 10 лет, — отвечает Екатерина. — И я, и Стёпа поём, свободно владеем музыкальными инструментами. Муж играет на аккордеоне, я на гитаре, флейте, тамбурине. Освоили и балалайку, но используем её нечасто. Остальное как-то ближе...

— Сложно, наверное, изучить столько всего?

— Скажем так, на это понадобилось время. Я, например, начала учиться музыке в Архангельской области, ещё будучи маленькой девочкой. Мои родители играли на гитаре, они и показали мне первые аккорды. Балалайку освоила в оркестре народных инструментов (туда ходила в юности). Со мной занимался профессиональный педагог. Флейту изучила сама, тамбурины тоже... Это простые инструменты, если есть слух и чувство ритма, освоить не долго.

— А я, до того как всерьёз занялся музыкой, работал лесником на Урале, — вспоминает Степан.

— И как же лесник стал музыкантом?

— Знаете, мне такой вопрос уже задавали уральские журналисты, — улыбается мой собеседник. — Только они оговорились и спросили, как мясник стал музыкантом. Я тогда шутя ответил — вслушиваясь в удары топора! Для лесника, кстати, та-

кой ответ тоже подходит (всё-таки по долгу службы приходится делать и санитарные вырубки). Но у меня все было по-другому.

До того как стать лесником, я вёл не очень здоровый образ жизни. Всё изменилось, когда прочитав книгу о Серафиме Саровском («Идите в храм Божий — лес, и вы получите ответ на все свои вопросы»), я бросил свои вредные привычки и пошёл работать в национальный парк Таганай. Там понял, что лес живой, что он дарит гармонию. Понимаете, когда ты начинаешь с ним взаимодействовать, слышишь его звуки, его мелодии, начинаешь подпевать. В душе рождаются простые напевы, слова.

— Мелодии — у леса?

— Да. Когда живешь по месяцу и более на лесной опушке, начинаешь их слышать. У каждой травинки, у сосен, у птиц, у зверей свои ноты, свои звуки.

— То есть вы стали музыкантом, подпевая природе?

— Да, можно сказать и так. Помню, как ходил пешком до своего рабочего места по 20 и более километров. Молча идти скучно... Вот и стал напевать мелодии — простые, из разряда «что вижу, то пою». Раз попробовал, два и понял, что это реально вдохновляет. Именно так работают мантры — ты производишь звуки, они входят в резонанс с твоим внутренним миром.

Я подобрал к своим напевам музыку (благо, соответствующее образование имеется), послушал... В общем, так и началось моё творчество. Сегодня у меня своя группа, мы с женой поём на этно-фестивалях...

— У вас народные песни?

— Скорее, детско-народные. Знаете, как ребята поют? Если нет рифмы, вставляют в текст простые напевы: «ля-ля», «на-на». Вот и я так же. Это классно! Люди слушают мои песни и смеются. А смех же душу лечит... В этом вся фишка.

— Вы с Екатериной живёте в Междуречье вдвоём?

— Пока да, но совсем скоро наш семейный оркестр увеличится, — смеётся Степан, беря за руку зардевшуюся супругу. — Мы решили, что музыкантов в семье Ратушных должно быть больше! Из этой станем трио...

Мастеров немало!

— У нас в Междуречье немало людей, занимающихся творчеством, уникальными промыслами, — отмечает Мария Валеева. — Например, у Алексея Пешкова есть своя мастерская «Нектарица». Леша давит всевозможные масла из семян, орехов по технологиям XIX века, без нагревания. Это действительно сложное ремесло — процесс долгий, трудозатратный. Зато продукт получается не чета магазинному — полностью натуральный, свежий, без консервантов. Такое масло и стоит соответственно. Он продаёт его у себя, в хозяйстве, гостям нашего поселения и рассылает продукцию по всей России.

Мы с мужем Андреем, а также Татьяной и Василием Ивановыми занимаемся изготовлением крафтового шоколада на меду, на финиковом сиропе. У нас в Мценске своя мастерская «Добро». Продукцию делаем на заказ, оптом рассылает по стране.

— Не забудьте рассказать и о семье Болодуринных, — обращается ко мне Екатерина. — Сергей и Вера освоили ремесло создания эко-украшений методом гальванопластики. Но о процессе изготовления вы у них лучше сами спросите — они придут через пару минут.

Как у хозяйки Медной горы

Семья мастеров охотно согласилась рассказать о своём ремесле:

— У нашего дела много тонкостей, — говорит Вера. — Но основа всему — природа, вернее, природные материалы: листья, ветви, всё что угодно. Мы бережно собираем заготовки, сортируем и покрываем проводящими веществами. Затем погружаем в ванну с кислотным раствором: там происходит реакция, в результате которой поверхность материала покрывается медью.

— Медь повторяет все жилочки листа или веточки, форму, берёт все изгибы, — говорит Сергей. — В результате химической реакции получаются уникальные, ни на что не похожие украшения. Ведь в природе нет двух одинаковых

листочков, веточек. Все разные, и изделия такие же. Со своей душой, характером.

— Готовый продукт мы покрываем патиной, раскрашиваем огнём. Продаём украшения через соцсети, — продолжает Вера. — Вот, посмотрите!

Протягивает мне фотографии. На них — бижутерия из металлических и, как на первый взгляд кажется, живых листьев. Кажется, тронь — и хрупкое ожерелье из кленовых листьев распадется. Размечет ветер серьги из рябины, сорвёт браслет из тонких веточек...

— Как будто на иллюстрацию в книге Бажова смотрю, — делаю я комплимент Болодуринным. — Там Данила-мастер пытался создать из камня живой цветок. А тут — живые листья...

— Спасибо на добром слове! — благодарит Сергей. — В эти украшения вложено немало труда. И не смотрите, что выглядят невесомо, — они очень прочные!

— У вас в поселении так много ремесленников. Это случайность?

— Скорее, закономерный исход, — признаются междуреченцы. — Кто-то занимается своим делом много лет, кто-то освоил новую профессию уже в Мценском районе. Нас объединяет то, что мы живём в сельской местности, где труд является основой всего. Здесь нельзя быть инфантильным, жить «на расслабоне», включать автопилот. В Междуречье это чревато. Если не будешь двигаться, думать о семье и своих близких, как-то развиваться, осваивать новые способы заработка — просто перерегиришь, не сможешь тут находиться. И вообще, жить в селе — значит бросить вызов собственной лени. Мы — бросили. И победили!

Прощаясь с гостеприимными междуреченцами, я подумала, что их путь выберет не каждый. Не каждому подойдёт жить в общине, еженедельно работать не только для себя, но и для других, жить в гармонии с природой и людьми, принимая их образ жизни таким, какой он есть. Междуреченцев поймут не все, сюда приедет не каждый — зато здесь рады каждому...

**Анастасия
Ненасева**

**Валерия
Юрова**

**Виктория
Волкова**

**Елизавета
Цветкова**

призёры международного конкурса имени Юрия Щекочихина «Молодые о молодых»
в номинации «Лучшая аналитическая статья» (г. Воронеж, Воронежская обл.)

«МОЛЧАТЬ НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ». ПОЧЕМУ ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ ДО СИХ ПОР ЖИВА. РАЗМЫШЛЯЕМ И ЧУВСТВУЕМ

Мы — девушки. Мы студентки журфака. Мы — дочери и сёстры, подруги и жёны — настоящие и будущие. Мы те, кто ищет своё место в мире и личное счастье.

В детстве мы мечтаем встретить принца на белом коне, который спасёт нас от злого дракона. Однако, взрослея, мы понимаем, что жизнь не похожа на сказку, лошадь больше не основное средство передвижения, а дракону просто нужна терапия. Но, осознав это, мы не перестаем мечтать. Мы любим разговаривать по душам, гулять по городу и его окрестностям, путешествовать, вкусно есть и громко смеяться. А ещё мы мечтаем разделить все радостные и даже грустные моменты с дорогим сердцу человеком. Мы называем его принцем, второй половинкой или просто «любимым парнем». И каждая представляет его по-своему. О каком же парне мечтаем мы?

Дарья Мухина

В 2020 году юная петербурженка Дарья Мухина пережила ужасную трагедию: её любимый

человек выстрелил в неё, но пуля остановилась всего в 3 мм от мозга 18-летней девушки...

Маргарита Грачева

В декабре 2017 года всю страну всколыхнула чудовищная история. Муж вывез свою супругу в лес, долго истязал её и отрубил кисти рук. Маргарита выжила. Одну кисть удалось пришить, вторую заменили на бионический протез...

Салтанат Нукунова

Бывший министр национальной экономики Казахстана Куандык Бишимбаев забил до смерти свою гражданскую жену Салтанат Нукунову 9 ноября 2023 года в принадлежащем его семье астанинском ресторане. В тот же день Бишимбаев был арестован...

Домашнее насилие — одна из самых распространённых и табуированных проблем общества. Ежегодно миллионы людей становятся жертвами насилия со стороны членов семьи

или партнёров. Насилие может быть физическим, психологическим, сексуальным или экономическим. Основная причина — доминирование одного партнёра над другим, чаще всего в патриархальных семьях. Однако насилие возможно в любых отношениях, вне зависимости от статуса и социального положения.

Для жертв домашнего насилия трудно обратиться за помощью — они испытывают страх, стыд, чувство вины, опасение за свою и детскую безопасность. Жертвы могут быть изолированы, что затрудняет доступ к помощи.

Истории Дарьи Мухиной, Риты Грачевой и Салтанат Нукуновой стали яркими примерами, когда домашняя тиранья дошла до своего апогея. Но сколько остаётся нерассказанных историй? Сколько женщин боятся «кинуть клич» о помощи? Сколько обидчиков остаются безнаказанными?

Несмотря на распространённое мнение, домашнее насилие отнюдь не является следствием потери насильником контроля над собой. Подобное поведение является результатом намеренного выбора, цель которого — контроль над второй половиной. Люди, проявляющие домашнее насилие, способны контролировать своё поведение — и делают это постоянно.

Домашнее насилие оставляет длительные следы в жизни жертв, негативно влияя на их физическое и психическое здоровье, а также причиняя социальный и экономический ущерб.

Часто жертва насилия не подозревает, что действия партнёра выходят за пределы нормы. Ситуацию также усугубляет то, что между приступами гнева "психологический насильник" демонстрирует заботливость и любовь.

Распространёнными средствами психологического воздействия являются угрозы, оскорбления и психические домогательства.

Отношения с домашним насилием развиваются по циклу, который повторяется с течением времени всё чаще. Женщина часто попадает в порочный круг насилия и не может самостоятельно из него выбраться.

Глубже разобраться в ментальном аспекте

проблемы домашнего насилия нам помогла психолог-консультант **Евгения Уварова**.

— Почему человек совершает насилие?

— Домашние насильники делятся на реактивных агрессоров и психопатов. Первые могут испытывать обычные, нормальные чувства. А вот психопатам не свойственны эмпатия, чувство вины. Домашние насильники — это в основном реактивные агрессоры. У них часто неустойчивая и сниженная самооценка, которую они пытаются восстановить как раз за счёт насилия. Любой поступок может восприниматься как неуважение к своей персоне. У таких людей очень плохо развиты сдерживающие механизмы, рефлексивность, самоконтроль.

— Почему женщина терпит и не уходит?

— Часто партнёр, применяющий физическое насилие, может быть от чего-то зависим. Как следствие — возникновение созависимости. Если партнёр независим, возникает межличностная, или любовная зависимость. Выйти из зависимости очень тяжело: необходимо огромное количество мотивации и моральных сил. Часто бывает, что помимо физического насилия, присутствует еще и моральное.

Эмоциональное насилие усиливает зависимость

Большую роль имеют нереалистичные представления о том, как должно быть, и о том, как есть. Например, она считает, что спасёт его, изменит; но по сути, она живёт лишь в фантастических представлениях.

— Часто ли обращаются жертвы домашнего насилия к психологам?

— Женщины обращаются к психологам, но этого процента недостаточно для создания здо-

рового общества. Бывают ситуации, когда они обращаются за разовой консультацией, поскольку зависимость оказывается сильнее, есть вторичная выгода (например, потребность чувствовать себя нужной).

Обычно женщины обращаются к специалистам, когда ситуация приобретает характер «бежать, или убьёт»

— Можно ли распознать склонность к насилию у человека сразу?

— Для того чтобы распознать склонность к насилию и жестокости сразу, нужно быть очень рефлексивным человеком, быть рациональным, несмотря на эмоции. Необходимо знать достаточно информации о домашнем насилии. Я думаю, что эту информацию должны изучать девушки в любом возрасте, поскольку когда-нибудь это может спасти их жизнь.

С п о с о б , к а к р а с п о з н а т ь с к л о н н о с т ь к н а с и л и ю , — конфликт. Стоит понаблюдать, как человек ведёт себя во время ссоры, хочет ли он проявить физическое насилие, способен ли он таким образом выплёскивать свой гнев. Можно последить за его отношением к другим людям, в том числе ниже по статусу, слабее. Стоит снимать «розовые очки», не переносить одну положительную черту характера на все поступки человека.

Насильники особенно склонны к тому, чтобы в период начала отношений показать свою лучшую версию с целью «подсадить человека на себя»

Домашнее насилие — проблема, требующая

внимания всех. Бывает, люди становятся случайными свидетелями домашнего насилия.

Важно, чтобы свидетели тоже не молчали. Их слова и действия могут стать решающими для пресечения домашнего насилия, особенно когда жертва не может самостоятельно обратиться за помощью.

Особую роль играет отношение социума к проблеме. Там, где она замалчивается, жертвам насилия сложно найти поддержку и защиту. В культурах, ориентированных на взаимопомощь, соседи, родственники чаще вмешиваются, пресекая насилие. Домашнее насилие в России имеет глубокие исторические корни, связанные с национальным культурным кодом.

Статистика домашнего насилия в России

24%

россиян сталкивались с домашним насилием в ближайшем окружении, в том числе в собственной семье

75%

женщин страдают от домашнего насилия

91%

в браке этот показатель возрастает

40%

тяжких насильственных преступлений в России совершается в семье

79%

осуждённых женщин по статье за умышленное убийство защищались от домашнего насилия

3%

российских мужчин, осуждённых за превышение самообороны, защищались от своих партнёров

40%

российских мужчин убеждены: если муж содержит жену, он приобретает над ней определённую власть. К примеру, может запретить ей ходить на работу или пользоваться банковскими картами без спроса

Там, где проблема замалчивается, жертвам насилия сложно найти поддержку и защиту.

В интернете можно найти множество форумов, сообществ, где девушки рассказывают свои истории. Такие сообщества есть практически в каждом городе. Введите в поисковике «помощь жертвам домашнего насилия Воронеж» и в приложении ВКонтакте наткнётесь, как минимум, на 7 сообществ. Наиболее активные из них: «ЯЖертва | Домашнее насилие», «Ангел-хранитель».

В группе «ЯЖертва» девушки стараются не только поддержать друг друга, но и предупредить о потенциальной опасности: «Девушки, взгляните в это лицо, он часто сидит на сайте знакомств, будьте бдительны».

«Ангел-хранитель» — центр защиты материнства и детства. Организация помогает матерям и детям, которые пострадали от домашнего насилия, остались без жилья или попали в беду. С февраля 2012 года «Ангел-хранитель» находит пропитание, одежду, крышу над головой, помогает с работой и садиками, оформляет документы и пособия мамам с малышами из Воронежа и области.

В обоих сообществах размещены бесплатные телефоны доверия по всей России, контакты психологов в различных городах, объявления по трудоустройству для мам и т. д.

Здесь собираются те, кто хочет анонимно поделиться своим опытом; те, кто хочет и может поддержать морально, финансово, психологически и юридически. Те, кому просто не всё равно, когда за дверями чужого дома происходит насилие. Среди ужаса, которым пропитаны истории, отрадно видеть такие комментарии: «можете пожить у меня, пока отсудите квартиру» или «я психолог, предлагаю вам бесплатную консультацию».

Куда обратиться за помощью?

8 (800) 700-06-00

Всероссийский телефон доверия

8 (800) 100-49-94

Кризисная линия доверия

8 (800) 200-05-17

Телефон доверия по вопросам семейного консультирования

На фото: Елизавета Цветкова, Виктория Волкова, Валерия Юрова, Анастасия Ненашева

Евгений Толмачёв

призёр международного конкурса имени Юрия Щекочихина «Молодые о молодых»
в номинации «Лучший очерк» (г. Белгород, Белгородская обл.)

«ПОЛТОРА ГОДА В ГЕТТО»

Лет пять назад, в июне, я оказался в гетто. В самом настоящем гетто, расположенном на окраине города, в богом забытом районе. За указателем с перечёркнутым названием города лежала бесприютная степь, вдалеке переходящая в меловые горы. Вершины гор алели на закате. И отдал этому гетто полтора года бесценной, быстротечной молодости. Здесь меня окружала наркота, поножовщина, здесь меня несколько раз чуть не обокрали. Конечно, я не добровольно бросился в когтистые лапы беспробудного кошмара. Всеми причина деньги. Чтобы купить квартиру в центре, денег не хватало. В городе я мог позволить себе только убитую, на последнем издыхании однушку с прогнившими полами, срезанными батареями, с ободранными обоями... В последний момент подвернулся вариант взять однокомнатную от застройщика, но на окраине. На окраине, где за указателем с перечёркнутым названием города лежала молчаливая степь, над которой зимой носились белые вьюны, степь, вдалеке переходящая в меловые горы, которым не было никакого дела до человеческой жизни. Ни сто, ни двести, ни тысячу лет назад...

— Это последняя квартира, остальные проданы, — как по заученному объяснила сотрудница отдела продаж. Одна из тех, застывших, словно муха в смоле, в своём профессиональном апломбе. — Последняя?

— Да, а сколько вам надо?

...На ПАЗике двадцать первого маршрута за полчаса добрался до адреса. Дом был новый, трёхэтажный, без балконов. Клумбы поросли ко-

лючим бурьяном. Во дворе — несколько старых, изъеденных ржавчиной автомобилей. У подъезда на лавочке старуха разговаривала с полной женщиной странноватого вида, которая с трудом произносила слова и хохотала.

— Может, не самое плохое соседство — пенсионеры и инвалиды, — смекнул я.

После оформления квартиры я отправился в контору управляющей компании документы из водоканала отдать. Там-то и ожидала страшная правда, утаённая застройщиком.

— Только вы имейте в виду — этот дом строили для детдомовцев, — с равнодушным видом сказала девушка с длинными зелёными ногтями. — А как же старушка и ещё там некоторые жильцы? — встревожился я.

— Несколько квартир выделили переселенцам из аварийного жилья. Есть ещё несколько, которые купили, как вы...

Я стоял ошеломлённый, в голове навязчиво звучало: «Как вы... как вы...». Сердце будто перехватил стальной обруч.

На обратном пути казалось, что это не я иду по дороге, а кто-то другой, кто взирает на происходящее — высокие заборы, проезжающие машины, низко бегущие облака, — словно сторонний наблюдатель... Хотелось верить, что это случилось не со мной. Но всё происходило именно со мной.

Район сам по себе был неплохим на первый взгляд. Удобным для жильцов частного сектора, где краснели в палисадниках метровые розы, на бархатистых лепестках которых оседала пыль кирпичного завода. Казался привлекательным

для блогеров, пиаривших этот район по заказу застройщика. Вполне безопасным его могли назвать те, кто не совался сюда после захода солнца. Высокие заборы у частных домов, конечная остановка, бесприютная степь и глядящие равнодушно меловые горы... Лишь только я заселился, как двадцать первый маршрут отменила администрация. В переполненном ПАЗике добирался до центра более часа, ещё минут двадцать пешком поспешал на работу. В первый мой проезд в маршрутке у богато одетой женщины свистнули кошелёк.

— Вон он, вон он выскочил! — встревожились пассажиры остановившегося автобуса, провожая испуганными взглядами убегающего пассажира в толстовке.

Позднее я не раз видел его у своего подъезда. За единственным на весь микрорайон универсамом паслись детдомовцы — рылись в мусорных баках, кушали полусгнившие фрукты и овощи. По вечерам — драки стенка на стенку из-за того, что кто-то кому-то задолжал сто рублей. За время жизни в гетто машину ППС видел всего два раза. Удивительно, но участковым здесь работала недавняя выпускница школы полиции. Сидела в опорном пункте за железной дверью, писала никому не нужные бумаги. Изредка вечерами в маленьком окне с решёткой горел свет, поглощаемый густой, липкой тьмой...

На сайте городского агентства новостей я нашёл репортаж о торжественном вручении ключей воспитанникам детдома. Разноцветные воздушные шары, красная лента, сытые лица чиновников и руководства компании-застройщика, одухотворённая речь священника о новом доме и новой жизни и, наверное, патетическая музыка. Кроме квартир для обустройства быта, мэрия пожаловала детдомовцам солидную разовую выплату. Но не прошло и нескольких месяцев, как не то что выплат — не осталось ни котлов, ни холодильников, ни газовых плит, ни даже унитазов. По закону лет пять квартиры находились в муниципальной собственности, то есть ни продать, ни сдавать в наём их не имели права. Однако вошедшие в новую, прекрасную

жизнь сдавали, а сами гужевались человек по десять в одной квартире. Правда, мало кто из позарившихся на низкую оплату выдерживал здесь дольше месяца... Двери в подъезд не закрывались, почтовые ящики выломали, пластиковые окна в подъезде держались на честном слове, стены украшали огромные изображения половых органов. Я не мог к себе девушку пригласить... Друзья посмеивались:

— Ты всё усложняешь. Наоборот — сразу поймёт, что тебе от неё нужно... И никаких прелюдий не надо!

За полтора года мне удалось вникнуть в психологию здешних детдомовцев, направить пылкий взор во мрачную чащу души. Это были люди в большинстве своём неприспособленные к жизни, не умевшие пожарить яичницу, не обладавшие ни житейскими знаниями, ни практическими навыками. Зато на первобытном, животном уровне у них было обострено чувство — следить, где кто прошёл, кашлянул, в каком окне зажётся свет, открылась форточка, шевельнулась занавеска... Они бессознательно, инстинктивно схватывали, кто их боится, и у кого можно что-нибудь попросить. Как-то возвращался из универсама с коробкой сока, и за мной увязалась девчужка неопределённой внешности, с исцарапанным лицом. Хрипела из-под локтя:

— Дай попить, ну дай попить...

Исцарапанная сдавала свою однушку в первом подъезде, а сама с несколькими такими же предприимчивыми собратями обреталась в чьей-то квартире во втором. О наслаждениях свободой говорили шприцы, валявшиеся в подъезде. Ядовито жёлтое, вперемешку с кровью переливалось в шприцах под ногами.

Вполне резонно может возникнуть вопрос — неужели там не было ни одного адекватного человека? В доме проживали две-три семьи бывших детдомовцев, но их тихая, в какой-то степени стандартная жизнь — он где-то работает, она дома нянчится с чадом — на фоне происходящего была совершенно незаметна, как десять копеек в бурлящем фонтане.

...Воскресным вечерком приехал я в родное гетто. Этажом ниже слышался надсадный, хриплый кашель. Едва переоделся, прошёлся по квартире, как в дверь позвонили. На площадке стоял худой, узкогрудый парень, фигурой напоминавший ступу:

— Ты у меня микроволновку не купишь? Она новая. Купи, а то бабла совсем нема...

— Да у меня есть микроволновка.

— Ну купи.

— Зачем мне вторая?

— Продашь кому-нибудь. Купи!

Трудно было определить его возраст из-за неказистой, запущенной внешности. В узко посаженных, хитрых карих глазах сверкало нахальство:

— Ну дай тогда тринадцать рублей на маршрутку.

В благодарность визитёр, стоя в дверном проёме, назойливо рассказал малость о себе. Звали его Серёга. Рассказал, что живёт отныне свободно, не то что в детдоме. Теперь у Серёги настоящая жизнь и все дороги открыты. Конечно, это была иллюзия. Образования у Серёги никакого, навыков никаких. И всё он грезил иллюзорной свободой... Напротив возводилась трёхэтажка для таких же, кто в скором времени должен был вкусить вожаделенную свободу. Серёга ошивался на стройке целыми днями, стреляя у строителей то сигареты, то мелочь. Иногда, конечно в шутку, получал под зад пыльным ботинком, но некоторые строители относились к нему с сочувствием. Усатый, коренастый прораб предложил простую работу — крепить пластины вентилируемых фасадов к каркасу. Дали Серёге шуруповёрт:

— Смотри — вкручиваешь по четырём сторонам, проще пареной репы, тут никак иначе.

В тот вечер занавеска моего окна шевельнулась — закрывал дверь шкафа и случайно плечом задел, и сразу звонок — трень! В дверях — Серёга. Пришёл попросить два куска хлеба. С гордостью поведал, что на работу устроился:

— Вот заработаю на стройке бабла, накуплю кирпичей и обложу квартиру изнутри, чтобы

никто меня не слышал. А потом, как побольше скоплю, рвану в Москву или Питер. Мне теперь все дороги открыты!

Признался, что мечтает стать шпионом.

— И какие же у тебя задатки, шпион?

— О-о! Я, например, когда еду в маршрутке, то давлу косяка в чужие телефоны, кто чем занимается...

— Шпион, выйди вон — мне отдохнуть надо.

С тех пор я прозвал соседа Шпионом. К концу недели Шпиона уволили, потому что по собственной безалаберности чуть глаза не лишился.

— Ну тебя в пень, невдаль, — ругался прораб. — Ещё за тебя, дурака кухталапого, отвечай...

— Отвезите меня в больницу! — умолял Шпион, прикрыв грязной ладонью налившийся кровью, слезящийся глаз.

— Иди в трубу, даунито хромосома! Ещё с тобой возись тут.

— Ну, дайте тада пятьсот рублей на ма-а-а-зи-и!

Прораб торопливо полез в карман линялых джинсов, сунул Шпиону пятисотку, рассчитавшись за работу. Вечером расходившиеся по домам строители слышали, как из открытого окна его квартиры доносилось хриплое, нестройное пение:

— Целуй меня жа-адны-ым-и-иы губа-а-ам-и-и!

Возвращаясь с работы, я старался обойти во круг дома, а не следовать через двор, чтобы не попасть на глаза Шпиону, часами висевшему на окне. В поле зрения Шпиона могло попасть только моё плечо. Как ни топтал я запущенные клумбы, пробираясь вдоль стены дома, Шпион засекал. И радостный, расплющив нос о стекло, стучал в окно, стремглав выбегал на лестницу:

— Пойдём, угощу тебя заварным.

— Да не надо.

— Дак ты ж только с работы, — притворяясь участливым, хитрил Шпион и просил тринадцать рублей.

Квартира его была завалена мусорными мешками, смрад стоял ужасный, дрозифилы лезли в глаза, из углов, как косточки от фиников, вы-

глядывали несметные, обнаглевшие прусаки. Жилище наполнял странный шорох. Казалось, что я нахожусь во чреве гигантского, вонючего насекомого. Не было ни холодильника, ни микроволновки, ни газовой плиты... Посреди зала Шпион соорудил загон — широкие доски, поддерживаемые кирпичами, упирались в стену, на которой внизу отстали мокрые, побуревшие обои...

— Вот собачку завёл, — не без фанаберии заявил Шпион. — Буду дрессировать.

На мешковине лежало что-то живое, чёрное, тихо скулило.

Вдруг Шпион хрипло заревел:

— Бэээ! Бээээ!

Щенок вскочил, заметался по загону, мочась походя.

— Это я, чтобы он злее вырос! — объяснил хозяин и добродушно заулыбался.

Чтобы воспитывать в себе ответственность, собачку посоветовала завести подруга — алкоголичка лет пятидесяти, высокая, хромяя, сутулая. Квартира досталась ей как переселенцу из ветхого. Алкоголичка изредка ночевала у Шпиона. Может, с месяц поработала уборщицей в управляющей компании, пока не уволили за воровство моющего средства. В благодарность за тринадцать рублей Шпион рассказал, что его мать водила дружбу с огненной водой, пьяная, забыла его, грудного, на морозе. С тех пор страдает бронхами.

— Гной бежал из всех щелей. Вон видишь — трубы пластиковые, вот бы такие вставить себе в бронхи... — вздохнул Шпион. — И мать моя... мать...

Губы Шпиона задрожали, и я заметил на его глазах слёзы.

Пожалуй, единственным в подъезде адекватным человеком из бывших детдомовцев был Сашка, работавший на заводе фрезеровщиком. Рано садился в потрёпанную временем вишнёвую «девятку», поздно возвращался. Было забавно слышать, как в машине раздавалось:

— Твоя вишнё-ё-ёвая «девятка», ты полюби её по-о-ото-о-ом!

Человек этот был толстокожий. Сашка, наверное, и спавший в робе, постоянно ремонтировал доводчик, почтовые ящики. Починял неторопливо, вдумчиво, с расстановкой. При этом улыбался так, что виднелись зубы в жёлтых точечках. Сашка держался обособленно, ни с кем из братьев по судьбине отношений не поддерживал. Мне казалось, что именно такие, как он, являются воплощением надежд на будущее воспитанника детского дома...

Дом напротив венчала серая крыша. Часто во дворе стали попадаться на глаза дорогие внедорожники, наезжавшие по вечерам. Казалось, что они исторгаются из чрева мглы... Впоследствии знакомый юрист рассказал, как некоторых детдомовцев «братки» подсаживали на наркоту, с паучьим терпением дожидались вступления в собственность и «отжимали» квартиры.

Решил я сматываться. Работал, как вол. Удалось скопить денег, и, если бы удалось выручить от продажи квартиры даже меньше, чем сумма, за которую покупал, то вполне возможно было рассчитывать на вторичку в городе. Но покупатели, приходившие по объявлению, бежали, словно чёрт от ладана, завидев в подъезде то лужу крови от недавней поножовщины, то наркомана, червём корчившегося на лестничной площадке. Риелторы, выведав в обход меня тайны дома и двора, стремились сбить цену ниже плинтуса ради хотя бы мизерных шансов поймать коммиссионные. Такой расклад меня не устраивал, медведем наваливалось отчаяние. И благодаря чудом подвернувшемуся случаю, через помощь неизвестно откуда взявшегося влиятельного знакомого удалось покончить с беспробудным кошмаром. Странное дело, я всегда считал, да и сейчас считаю себя человеком непрактичным, но тогда в одиночку в лучшем виде снимал люстры, разобрал мебель, чтобы только вырваться из гетто... Тот последний ноябрьский вечер, когда впервые ударил мороз, когда небо окрасилось в зелёный цвет, когда дым из трубы котельной валил вертикально вверх, я не забуду никогда. Как не забуду сломанную ручку двери — гнусную попытку проникнуть в мою квартиру. Мой

корабль судьбы словно бы вырвался из порта, где его удерживала враждебная сила. Впереди, вырисовываясь из густого тумана, открывался предо мною новый материк жизни... Последним, что связывало меня с избытым, остались воспоминания и несколько снимков в телефоне. Года через три, а может, больше в магазине стройматериалов неожиданно встретился мне Сашка. Как всегда, улыбочивый, неунывающий, зубы в точечках.

— Ну как там родное гетто? — спросил я весело.

— Да как... Как и всегда.

— А Шпион? Не уехал покорять столицы?

Сашка рассказал, что Шпион «подсел»... Однажды возвращаясь после работы, увидел он его, корчившегося на лестничной площадке. Сашка рассказал, как чёрная, глупая собака скулила и мочилась на несчастного хозяина, как он вызывал скорую, как Шпиона выписали и как из больницы привезли его на внедорожнике... А после Шпион исчез. Один только бог ведает, как сложилась его судьба.

11 сентября 2023 года

Арина Васильчук

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина «Молодые о молодых» в номинации «Лучшая аналитическая статья» (г. Петрозаводск, Республика Карелия)

«ЗАЩИТИТЬ БАЙКАЛ»

В конце сентября учительница химкинской школы прислала в родительский чат петицию с призывом «защитить Байкал». К сообщению она приложила инструкцию по голосованию и предложила отправить ей «доказательство» успешного прохождения — скриншот подписи с фамилией и номер телефона.

— Родители в нашем классе по большей части равнодушны к подобным вещам. Но есть те, кто мог подписать, даже не вникая, — рассказывает Татьяна, мама одного школьника. — Я сначала обрадовалась, подумала, наконец-то что-то полезное. Раньше природоохранных инициатив в нашей школе не было. Но когда начала читать текст петиции, пришла в ужас.

Петиция «Наведите порядок на Байкале» была создана в августе этого года Галиной Арсеньевой, проживающей в бурятском поселке Усть-Баргузин. Женщина от лица «всех жителей прибайкальских территорий» обратилась к депутатам Госдумы и сенаторам с требованием «навести в природоохранном законодательстве порядок». Правда, понимание «порядка» у Арсеньевой оказалось специфическим.

Если вчитаться в текст, становится очевидно — петиция направлена не на защиту озера, а на поддержку новых поправок в федеральный закон «Об охране озера Байкал». Поправки разрешают сплошные рубки леса и строительство на особо охраняемых территориях — то, что годами лобби-

руют депутаты от «Единой России». В июле законопроект успешно прошёл первое чтение в Госдуме, второе должно состояться осенью. Нужен ли жителям прибайкальских территорий новый «законодательный порядок», кто выдаёт себя за байкальцев во «ВКонтакте» и при чём тут подмосковные Химки — разбирался «Кедр».

Сточное озеро

В петиции утверждается, что в большинстве сёл и посёлков [вокруг Байкала] невозможно отремонтировать дома — запрещена лесозаготовка, санитарные рубки тоже находятся под запретом, и даже дрова местным заготавливать нельзя.

Действительно, федеральный закон «Об охране озера Байкал» запрещает сплошные рубки в центральной экологической зоне, куда входят прилегающие к озеру особо охраняемые территории. Но он не мешает местным жителям заготавливать древесину для собственных нужд, отмечают экологи.

— Сейчас в центральной экологической зоне запрещено проведение именно сплошных рубок, — объясняет член Экспертного совета по заповедному делу Михаил Крейндлин. — Но по правилам заготовки древесины до 70% леса может быть убрано в ходе выборочных рубок. Это значит, что местным жителям хватит на дома и дрова и ещё останется. В петиции же говорится, что срубишь буквально три дерева — и это уже сплошная рубка, за которую якобы наказывает прокуратура. Это совершенно не так.

В петиции также утверждается, что более 100 населённых пунктов на побережье Байкала не имеют очистных сооружений. А имеющие всё равно сливают тонны стоковых вод в озеро, потому что коммуникации «изношены до нерабочего состояния». Отремонтировать их якобы не позволяет законодательство, запрещающее сплошные рубки.

— Очистные сооружения, о которых говорится в петиции, должны строиться и ремонтироваться в населённых пунктах, а не в лесу. Отсюда вопрос: при чём тут вообще сплошные рубки? Сто-

ронники петиции заявляют: где-то лес заходит в границы населённых пунктов. Но это точно не ситуация Усть-Баргузина, где живёт создательница петиции Арсеньева. Я сам там был много раз, — говорит Михаил Крейндлин.

Проблема отсутствия очистных сооружений на Байкале лежит вовсе не в природоохранном законодательстве — оно не препятствует их строительству.

Так, в 2016 году в Нижнеангарске — бурятском посёлке центральной экологической зоны — власти отрапортовали о постройке новых современных очистных сооружений. Но запуск постоянно переносили, при этом вводя в эксплуатацию и заселяя соединённые с ними новостройки. После они «забыли» о запуске. Больше года все стоки шли через неработающие очистные сооружения в Байкал. В 2020-м прокуратура обнаружила в лесном массиве рядом с Нижнеангарском целое «сточное озеро» площадью 2000 квадратных метров. Рядом с ним показатели загрязняющих веществ в пробах почвы на поверхности превышали норму в 127 раз, на глубине 20 см — в 350.

В 2020 году был разработан масштабный государственный проект по спасению Байкала от сбросов сточных вод. Он предусматривал строительство современной очистной инфраструктуры — систем водоотведения и очистки бытовых и ливневых стоков в посёлках вокруг озера. Минстрой пообещал выделить \$354 млн. Деньги собирались взять в рамках госзайма у международной финансовой организации «Новый банк развития». Минэкономразвитие дало добро. Этот проект мог практически полностью решить проблемы с отходами. И природоохранное законодательство этому никак не препятствовало. Однако с тех пор о судьбе проекта ничего не известно. В марте 2022 года Новый банк развития приостановил свои инвестиции в Россию.

Лишь бы не сели

— Селевая опасность на Байкале есть, — говорит эколог Евгений Симонов*. — Но таких мест,

* Властями РФ признан «иноагентом».

во-первых, мало. Во-вторых, населённые пункты, как утверждается в петиции, сели полностью никогда не сносили.

Однако селевые потоки на побережье Байкала создают другие риски. Учёные считают, что они способны повредить карты-шламонакопители Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Из них в озеро может попасть около 6,5 млн тонн опасных жидких отходов, что грозит катастрофой для всего Южного Байкала. Мероприятия по селезащите действительно осложнены законодательством. В районе Байкальска ведётся прочистка русел рек — но частичная, потому что рубить деревья для таких целей закон не позволяет. Но продвигаемые сплошные рубки тут не помогут.

«Это несколько парадоксальная вещь, потому что при чрезвычайных ситуациях необходимо не ходить по бюрократическим коридорам, а быстро принимать решения и вносить необходимые корректировки, — отмечал директор Сибирского института физиологии и биохимии растений СО РАН Виктор Воронин. — Никто [из научного сообщества] не просит сплошных рубок, но полоса вдоль берега должна быть очищена от деревьев и завалов. На сегодня это основная проблема. Необходимо сделать безопасными хотя бы русла рек в крупных населённых пунктах, чтобы снять угрозу для жителей и технической инфраструктуры. Иркутские и бурятские учёные уже несколько лет в один голос говорят о созревании ситуации для селепроявления на Байкале. [Тем более] идёт пик многоводности».

— С многоводностью забавная ситуация, — дополняет Симонов, — сейчас пытаются узаконить ослабление регулирования уровня озера. А уровень воды связан со сбросами воды на Иркутской ГЭС. То есть хотят разрешить затоплять большие площади берегов, что повышает вероятность схода селевых потоков. Уже месяц уровень [воды в Байкале] держат выше разрешённого постановлением правительства на целых 15 см: часть побережья Бурятии подтоплена, а отрегулировать никак не могут. Предполагаю, местных жителей все это возмущает. Люди понимают, что их просто пытаются использовать. Отсюда и сбор голосов

в Химках. Собирать подписи на Байкале муторно — там народ раскидан по большой территории. Вероятно, и в Иркутске такое должно происходить параллельно [с Московской областью]. Многие интересанты имеют политическое влияние в этом городе.

Зато сделали с душой

Поправки в закон «Об охране озера Байкал» уже несколько лет лоббирует выходец из Иркутска, депутат Госдумы от «Единой России» Александр Якубовский. Экологи называют его одним из главных бенефициаров рубок. Супруга депутата Ольга владеет и руководит ООО «Байкальская строительная и девелоперская группа». До получения мандата его владельцем значился сам Якубовский.

Сейчас родная для него Иркутская область обходит соседнюю Бурятию по степени агитации за петицию.

Как подсчитал «Кедр», 30 августа в течение семи часов 197 областных пабликов во «ВКонтакте» опубликовали абсолютно одинаковые призывы поддержать петицию. Слюдянка, город в 110 км от Иркутска, в рекламе петиции особенно отличилась: за поправки призывали голосовать родителей детсадовцев и учеников детской музыкальной школы.

— Видимо, они хотят показать, что значительное количество граждан России поддерживает принятие этого законопроекта, — говорит Михаил Крейндин. — А где можно найти большое количество граждан? В Москве. Потому что один московский район по масштабам — это примерно Бурятия. Дать разнарядку бюджетникам — вот вам 20 тысяч подписей.

Петицию от имени байкальцев поддержал проект «Чистая страна», созданный для объединения усилий чиновников «Единой России», активистов и граждан для «наиболее эффективного решения экологических проблем». Оказалось, что именно «Чистая страна» попросила коллег как можно шире её распространить. Так она и добралась до подмосковных школ. Сотрудник пресс-службы проекта Евгений Краснов объясняет:

— В августе был рабочий выезд комитета Госдумы по экологии, где депутаты познакомились с активисткой Галиной Арсеньевой. Она беспокоится о Байкале и местных жителях, поэтому написала такую петицию. И не просто написала — в одиночку она собрала около 20 тысяч подписей (доказательств обнаружить не удалось. — *Прим. ред.*). На встрече Арсеньева очень просила помочь ей в этом деле. Может быть, текст обращения не до конца выверен, ведь составляли петицию обычные жители без специального образования. Зато сделали с душой. По их просьбе мы решили предать эту историю широкой огласке. Нам стесняться нечего. Тем более все собранные подписи реальные.

Байкальская ботоферма

В комментариях к постам о поправках в закон «Об охране озера Байкал» можно найти целые монологи, поддерживающие нововведения. Их оставляют и в паблике «Чистой страны». Несколько появилось под записью об окончании той самой поездки делегации Госдумы.

— Поездка прошла быстро. Тем не менее местные жители имели шанс высказаться и не потянули его. Хотелось бы, чтобы нас услышали, ведь просим мы не так много. Всего лишь защиту от пожаров и свои права обратно, — пишет Елена Кученкова из Северобайкальска.

— Неужели нас услышали? Хочется в это верить. Верните нам уже человеческую жизнь, мы устали от того, что на всё мы не имеем права, даже на наши дома, которые нам достались по наследству, потому что нельзя получить участки в собственности на расстоянии десятков километров от Байкала. Земля есть, но её как бы и нет, получается... — добавляет жительница Улан-Удэ Татьяна Лиг. Однако ни Елены, ни Татьяны не существует — это боты. Как установил «Кедр», как минимум 20 аккаунтов — часть из них уже внесена в базу «Ловушки повара» — систематически оставляют комментарии от лица жителей Иркутской области и Бурятии во «ВКонтакте». Иногда боты вступают в диалоги друг с другом и даже в споры с противниками петиции.

Многие комментарии от «обеспокоенных бай-

кальцев» вполне осмысленные. Но и осечки случаются. Например, «жительница Байкальска» Галина Журавлева начала защищать поправки под постом, который их и так поддерживал.

«Перекрыть федеральную трассу»

А вот Галина Арсеньева вполне реальный человек и известная в регионе активистка из Усть-Баргузина. Многие годы она называет закон «Об охране озера Байкал» искажённым антинародным законодательным актом.

— Уже много лет Галина на разных площадках твердит: «Мы все в резервациях! Жить невозможно! Нам ничего не дают сделать, спасайте нас!» Часто говорит и о том, что людей выселяют с Байкала — чего никто никогда делать не собирался. С такими заявлениями она пользуется широкой поддержкой властей. Местные чиновники всё время отправляют её выступать по стране, доходит и до Госдумы, — рассказывает Михаил Крейндлин.

Галина Арсеньева имеет богатую и местами скандальную политическую биографию. В 2010 году она выиграла депутатские выборы в Баргузинском районе. А в 2015-м добивалась отмены постановления правительства о границах водоохранной зоны Байкала. Она даже отправилась в Москву, где угрожала перекрыть федеральную трассу и железнодорожную магистраль.

Три года спустя Арсеньева защищала «чёрных» рыболовов, обвиняемых в незаконной ловле омуля. Тогда активистка утверждала, что участники антибраконьерской оперативной группы «Баргузин» избili её односельчанина-рыбака. Но никаких подтверждений своим словам не представила. В том же 2018 году Арсеньева стала доверенным лицом кандидата Игоря Зубарева, избравшегося в Народный Хурал от «Единой России». Арсеньева считает, что запрет на использование природных ресурсов нарушает права байкальцев и ведёт к «уничтожению всякой экономической деятельности на Байкальской природной территории». В 2020 году по этому поводу активистка даже организовала народный сход. В шеститысячном Усть-Баргузине на него пришло 500 человек.

Попросили в обязательном порядке

В этом году Арсеньева, как утверждают сотрудники «Чистой страны», в одиночку и буквально вручную собирает подписи байкальцев в поддержку поправок. Снова не без помощи «Единой России». Татьяна из Химок, рассказавшая «Кедру» о массовом сборе подписей, в инструкции к голосованию нашла ссылки на внутренние файлы партии. В них оказались пофамильные списки подписантов с контактными номерами и плановые показатели. Петицию должны поддержать 6 250 химчан (сейчас доступ к файлам закрыт, но они есть в распоряжении редакции. — Прим. ред.).

Большая часть проголосовавших не смогла прокомментировать «Кедру» свою принадлежность к «населению всей Байкальской природной территории» и конкретные причины, по которым они подписали петицию. Однако несовершеннолетняя жительница Химок Арина, чьи данные также числились в файлах «Единой России», объяснила: «Подписать петицию попросили в школе каждого и в обязательном порядке».

Вероятно, сбор подписей за поправки идёт и в других населённых пунктах Подмосковья. С разницей в несколько дней посты-призывы поддержать петицию опубликовали десятки никак не связанных друг с другом работников образования: учительница ОБЖ из Коломны, секретарь учебно-методического центра из Каширы, педагог-психолог из Любучан и педагог Дома детского творчества из Ступино.

Ещё один житель Ступино Михаил Грошев (сразу несколько его однофамильцев работают в ступинской СОШ № 8. — Прим. ред.) вместе с призывом поддержать петицию выложил форму для обратной связи. В ней у подписантов запрашивают название муниципалитета и скриншот. Объяснить, кому и зачем нужна обратная связь, Грошев отказался. Мы также пытались пообщаться с самой Галиной Арсеньевой. Но представители «Чистой страны» настаивали только на личном общении. В телефонном разговоре Арсеньева отказала.

Дарья Виноградова

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина
«Молодые о молодых» в номинации «Лучший очерк» (г. Москва)

«МОЙ СВЕРСТНИК ЭТО — БОЛЬШОЕ СОЛНЦЕ»

Мой сверстник — бес, пробудившийся в Выхино в семь утра. Ползёт грызть гранит науки по мёрзлому снегу. Ангел, окутан беспросветной тьмой в Бибирево. Шагает в девять вечера рисо-

вать граффити. В девять утра пьёт ежевичный компот. Домашние тапочки нежат душу.

Мой сверстник увлекается культурными обычаями поднебесной страны. Рос там, где горе

и слёзы. После школы мчится на Китай-город пить зелёный чай, практиковать боевые искусства, каллиграфично выводить буквы на кирпичах. Прохожие крестятся, про себя шепчут «Бес» при виде моего сверстника. Он шутит, как скот, курит дешёвые сигареты и в барах пропивает мамины деньги. Дома комедии в телевизоре, с родными бытовые ужасы. Мой сверстник пишит благоговейно от комиксов на китайском. В голове дребезжат мысли: «А может, к чёрту этот Китай-город»... Задремал. Во снах же воочию чудятся Великая стена, храм Неба, огненные драконы, алые веера.

Мой сверстник — антихрист. Опустошает церковные лавки. Мой сверстник антагонист блаженного или вовсе агностик.

Мой сверстник — рьяный патриот. Любит берёзовый сок и чёрный хлеб, слушает «Наутилус». Страшится шара цвета хаки. Иногда обращается в космополита, мечтает покорить Америку.

Мой сверстник приходит раньше всех на первые уроки в понедельник. Громче всех поёт гимн. На перекус смакует рдеющим, румяным колобком. Его запивает святой водой. Как стемнеет, берёт флаг в руки, марширует в Тимирязевский парк. В поисках призрака Сталинграда. Истекает слезами радости, качаясь от упоения в чёрном плаще и ватных сапожках. Мчится наперекор назойливому ветру, костлявым веткам. Одним прищуренным глазом взглянул на голову: «Родина-Мать зовет!» — другим в прыгающий телефон. На горячей линии мама, скандирует идти домой и пить остывший отвар из сибирских ягод.

Мой сверстник любит мясо с кровью и электронную музыку. Обожает изгонять демонов из бабушкиной шали с молями, дедушкиного ковра с пивными узорами. Обводит пентаграмму на дверях и окнах.

Мой сверстник — чуть больше, чем чувак с засаленной челкой. У него круглые глаза от испуга скоростного окончания Кали-юги. Мой сверстник — тип с развязанным языком. Ему чуть было не заклеили рот ленточкой «НЕ ПОЛОЖЕНО».

Мой сверстник — пастух овец в Альпах. Любит пух, эхо и незабудки. Пьёт с утра до вечера травяной чай. Желает добраться до пирамид и обрести вечное счастье.

Мой сверстник — демиург, сын Аполлона. Он обделён даром витийства. Зато ему предназначены келья, мигающая лампочка, тетрадка с пером и, тем паче, подчас кислая мина. По наступлении темноты с фонариком и книгой сопит под покрывалом. Мерещатся стеклянные стены, иксы, необычайная шерсть. Во сне очутится за Зелёной Стеной, вдохнёт глубже. Встрепенётся от гула будильника. Через час электричка в Калужскую глушь. Пора собирать лисички, клюкву и листья шиповника. Пересматривать чёрно-белые снимки, внимать повестям о чуждой юности. Мой сверстник дрожит от сквозного ветра, приседает от звуков кипящего чайника. Прислушивается к шуршащим ёжикам и трепещущим струнам гитары.

Мой сверстник, естественно, не откладывает дела на потом. Придерживается учения этернализма. Считает, времени не существует.

Мой сверстник стратег кушает профитроли с цукатами. Внутри бедра его проекция по сохранению мира.

Мой сверстник не может терпеть зиму. Его воротит от ядерной бомбы. Любит он чистую воду, откровения. Лапшу на ушах и спагетти не признаёт.

У моего сверстника пацифика на груди, волосы голубые и браслеты разноцветные. Он уедет от Пушкина в бело-синем фургончике.

Мой сверстник никогда не был на Байкале. Толк знает в сидении у пруда на Байкальской улице. Приметит туманное дерево, покидает камушки в воду, понурит от холода голову.

Мой сверстник — разгильдяй. Его глаза опальные закоптились от смрада. Не мылся с вылупления из утробы матушки. В противном случае, одетыш с иголки. У этого глаза чаще щурятся, если откроются — стеклянные.

Сверстник изрядно подустал от непосильного бремени нашего времени. Стойкий и выносливый, с капюшоном на случай кислотного дождя.

У моего сверстника не варит голова рядом с телевизором. Для него лучше умных мыслей проплаченные передачи.

Мой сверстник жаждет свободы, мира и справедливости. Сидит дома под обеденным столом в неуклонном остепенении. Ведь другого не дано — третьего не надо.

Мой сверстник желает спокойного сна всем существам на планете. Моему сверстнику не спится. Он предвкушает добрую оттепель в зловещих страницах новейшей истории.

Мой сверстник ищет себя. У него немного друзей, зато полно безумных идей. Он носит-ся по улицам тьмы, врезается в фонари. Одним

продрогшим днём китайский посол, патриотический дух и поэтический дебют столкнулись в центре современного искусства. Там, на Винзаводе, пряничные стены, яркие выставки и яства — магниты для молодежи. Царит эссенция тишины. Поэт её нарушает, декламирует заветы Брюсова. Живёт в будущем, поклоняется искусству и любит себя. Патриот протяжно шепчет гимн, восхваляя липовый мед. Потерянный человек потупил взор на осторожные снежные паутины. Настиг стук в сердце: белые голуби бьются о стены вечной борьбы земли с небом. И нет ничего прекраснее масла на хлебе. Трёх товарищей замело снегом.

Руслан Гельдыев

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина
«Молодые о молодых» в номинации «Лучший очерк» (г. Санкт-Петербург)

«ЮНЫЙ ВРАЧ ГОВОРИТ!»

Мы шли через лес, и в пушистых кронах корабельных сосен играли лучики света, эта игра навевала мне воспоминания о детстве, нет, даже не свет, а запах! Точно! Запах прогретой солнцем хвои доносил до меня отголоски тех времён, когда мама вела меня за ручку по сосновой аллее «Орлёнка» — тогда я впервые очутилась в лагере. А теперь ты, ведёшь меня к морю...

Ты расстелил плед под одинокой сосной. Прямо там оставили мы свои пожитки и сразу же

побежали мочить ноги. Какой простор! Нет, волн не было, но зачем нам волны? Ты начал бурчать, что этот ржавый Финский залив ничего не может предложить нам, кроме мутной водицы, а мне эта водица нравилась, и знаешь почему? Когда я впервые приехала в Санкт-Петербург, я пошла мочить ноги в Финском заливе, глупая затея, да?

Знаешь, как страшно мне было уезжать из родного Каменска! Помню: перрон, маму, поезд. Потом лес, нескончаемый, тёмный лес, а в лесу

наверняка медведи, лешие, волки! Сплошная хвойная круговерть! И как же легко было мне упрятать в ней всё своё будущее, хотя бы на пару часов. Пока снова не приходило осознание: что вообще со мной происходит.

Петербург... никакое лесное Чудо-Юдо меня так не пугало, как он! Моя взрослая жизнь без мамы — вот чего я больше всего желала до отъезда, чего я больше всего боялась после него...

Ты жил когда-нибудь в коммуналке? Нет? Оно и видно... а я жила. Как сейчас помню, тащусь с деревянным чемоданом по Лиговке. Да! У меня был деревянный, допотопный чемодан. Заворачиваю в переулочек, а там чудный Пушкинский сквер, зажатый среди облупленной штукатурки и ржавчины водосточных труб, ничего не поделаешь, такие дома в Петербурге. Я зашла в парадную, и, что бы ты думал, лифт, конечно же, не работал. Пришлось подниматься на пятый этаж, ох и взмокла я тогда, но это было только начало...

Моё новое жилище встретило меня прокуренными жёлтыми обоями, туалетом с ведром вместо смыва и тараканами на кухне. С тех пор я не боюсь насекомых, извини меня за излишний натурализм. Это были прямо-таки гадские условия! Но делать было нечего, меня ждала учёба, тогда мне не приходилось размениваться на сантименты. Ещё, я забыла упомянуть о комнате по соседству. За пару месяцев до моего приезда там случился пожар, весь потолок покрылся копотью, но любезнейший арендодатель Дядя Миша уверил меня, что бояться нечего, «главное с электроприборами не борщить».

Я вспомнила ещё об одном интереснейшем персонаже! У меня был сосед Лёва. По стечению обстоятельств, он учился там, куда я собиралась поступать: «Первый мед ломает людей», — так и сказал, представляешь? На третьем курсе он уже два раза вылетал из университета, хотел стать травматологом.

Несмотря на то, что Лёва явно не был на своём месте, ему бы подошла эта профессия, подкачанный такой парень, с татуировками, как все травматологи. Он, к слову, так и не доучился. Теперь работает где-то айтишником...

Пока ветер ещё не успел сдуть с нас последние остатки тепла, я хочу рассказать тебе о моей учёбе. О моём первом разочаровании. Я стояла с пустым своим деревянным чемоданом в библиотеке. Думала, ВО-О-О-Т, сколько мне понадобится книг, чтобы всему научиться! Поджарая семидесятилетняя библиотекарша в грубой форме объявила мне, что книг нет, и я ушла ни с чем. Мои грёзы о больших, красивых книжках по анатомии исчезли, а вслед за ними исчезла та наивность, с которой я относилась к этому миру. Я ведь до этого момента думала, что все будут со мной на ВЫ, что все во взрослом мире — умные, воспитанные люди! А это оказалось далеко не так...

Не смейся, я действительно так думала, все мы вырастаем...

Самое страшное ждало меня впереди. Пойдём, прогуляемся по пляжу...

Больницу нашего университета я увидела на первом курсе. Она отличалась от остальных корпусов: была новая и блестящая, со стеклянной пирамидой на крыше. Я тогда подумала, что неплохо было бы здесь работать. Довольно солидно, как в «Докторе Хаусе», не то что больница в Каменске, похожая на катакомбы, особенно инфекционное отделение... не суть...

Однажды у нас была студенческая конференция. Занятия отменили, все кафедры представили программы докладов, каждая по своему направлению, и мы пошли выбирать.

Я ориентировалась по «крутости названия», согласись — «трансплантация гемопоэтических стволовых клеток и генная терапия» — звучит! Такую абракадабру я прочитала в буклете и направилась к корпусу, который был на нём указан. И представь себе, это был тот самый пирамидальный корпус!

Здрав нос кверху, естественно, в белоснежном халате (только первокурсники не расстаются со своим халатом — атрибутом взрослой жизни, он как бы говорит всем вокруг: «Посмотрите, я теперь врач!» К шестому курсу это проходит), я поехала на одиннадцатый этаж этой башни. Конференц-зал меня покорило: панорамные окна на всю

Петроградскую, очень много докторов и студентов-старшекурсников. Я тогда уже почувствовала, что мы, если можно так выразиться, одной крови. Но из докладов я ничего не поняла, это меня задело. Как это, я — отличница, и ни черта не понимаю в этих терминах, лекарствах, аббревиатурах! Гордячкой я была, да и сейчас это во мне есть, скрывать не буду...

Потом всё как-то закрутилось, завертелось... учёба, учёба, ещё раз учёба. Крысы, кролики, лягушки, учебники по анатомии и физиологии, которые, между прочим, я сама себе купила! «Трансплантация гемопоэтических стволовых клеток» ушла на второй план...

Знаешь, как у нас ещё говорят: «три года крематория — три года санатория», — и действительно, после третьего курса учиться стало намного легче.

Совершенно случайно я узнала, что в моей стеклянной башне каждую неделю проводят заседания СНО*, и, недолго думая, стала их посещать. Опять я злилась на себя за то, что ничего не поменялось за эти три года учебы, и я всё ещё, так мало знаю о биологии кроветворной системы.

На первом заседании мы обсуждали гемопоэз. Красивое название, верно? Поэзия от латинского «poesis» — создавать. Так вот, гемопоэз — это процесс создания клеток крови. Всё это было очень ново для меня. В конце заседания я задала идиотский вопрос, из рода тех, которые потом не дают тебе спать по ночам, и ты стораешь от стыда в своей постели. Я спросила, что такое «хоуминг» лейкоцитов! Ну, из названия же понятно, что это возвращение «домой», в костный мозг...

Ты мотаешь головой и говоришь, что всё равно ничего не понятно... да, меня иногда заносит, мой дорогой...

Целый год я ходила на каждое заседание! Помню, как было страшно выступать с первым докладом. Спикеры для меня казались какими-то непостижимо умными, но не боги горшки обжигают... Мой доклад клинического случая вызвал фурор! Естественно, без помощи не обошлось.

Д. В. была моим куратором, я влюбилась в неё, она горела своим делом, очень много знала и готова была поделиться своими знаниями, последнее очень редко встречается среди докторов...

Она-то и предложила мне работать в башне. У тебя могло сложиться впечатление, что в ней находился только конференц-зал, но это ведь была ещё и больница... да, я устроилась работать «в отделение своей мечты» — отделение трансплантации костного мозга.

До этого момента я ни разу не видела ни одного пациента. Было много теории, клинических случаев, но до практики не доходило. Из-за специфики больных (у большинства тяжелейшие инфекционные осложнения лейкозов, лимфом, иммунодефицитов) нам их не показывали.

Я работала в педиатрическом отделении... я точно знала, что дети, даже тяжелобольные, не нуждаются в моей жалости. Им нужно хорошее отношение, приветливость, игры. Жалость — нет.

Мы всегда пытались делать неприятные вещи, играючи, весело. Например, придумывали стихи про лейкопластырь-мишку — он держит центральный венозный катетер, и менять его маленьким пациентам было всегда больно. Ещё, мы обменивались подарками, я наклейку, а мне рисунок. Я их всех полюбила, и тем страшнее для меня было принять первую смерть в отделении. Каждый был МОИМ пациентом, пусть даже я и была обычной медсестрой.

Когда умер С., я рыдала три дня, ему было семнадцать. К смерти не подготовишься. Я всё думала, что привыкну, очерствеву, но у меня не получилось, я всё ещё его помню и люблю. Мы всем отделением делали всё возможное, чтобы сделать его жизнь чуточку лучше.

В этот день мой воинствующий атеизм куда-то исчез, я надеялась, что там ему будет хорошо, там, теперь он сможет почувствовать ветерок в волосах, ночную прохладу, как он этого и хотел.

Я запомнила. Я запомнила всех.

Как сейчас помню, канун Нового Года, я сижу в сестринской, на руках у меня мозоли от кате-

* Студенческое научное общество по гематологии.

теров, пишу заявление об увольнении...

Теперь я не знаю, кем мне быть. Всё это время меня тянуло в гематологию, но видишь как. Окажется, что за интересными клиническими случаями стоят люди, дети. Живые, чувствующие, с их проблемами, мечтами и целями.

Кажется, это был основной урок, который я вынесла для себя за эти шесть лет в моей Альма-Матер.

Я на распутье, мой дорогой... и мы пришли на

распутье, но тут всё понятно, прямо Репино, налево электричка до Питера, но как быть мне? Такое противное ощущение, когда не знаешь, как быть! Оно мучает тебя изо дня в день, как будто в затылок тебе камней наложили, и ты всё думаешь, думаешь, думаешь: а что дальше? Запркидываешь голову, сама не знаешь почему, смотришь вверх в поиске ответа... А сверху только голубое небо, открыло свой синий рот и молчит...

Дмитрий Герайкин

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина
«Молодые о молодых» в номинации «Лучший очерк» (г. Заринск, Алтайский край)

«ТАЧКА НА ПРОКАЧКУ»

Современный нынче век. И машины современные, всех цветов и мастей, с электронными наворотами, сенсорными экранами и автопилотами. Но сейчас не об этом. Я расскажу вам свою историю, как угораздило меня, уже на выпуске со школьной скамьи, купить «Москвич-412» у одной бабушки и валяться под ним в гараже на холодном полу, вдыхая сигаретный дым и ароматы солярки.

Все мы родом из детства

Не знаю, откуда у меня такая тяга именно к «москвичу». Но точно знаю, что машины меня интересовали с детства. И не мудрено: жили недалеко от магистрали и каждый день, стуча колёсными парами, неслись по бетонке

большегрузы и легковушки. Ну, мама мне и показывала, где какой автомобиль и как называется, в общем, знал к годам пяти список приличный. Да и как не интересоваться, если все деды да дядьки «шофера». В детский сад я приезжал с маминим братом на 66-м «газоне», а потом купил он себе Toyota Mark II — японскую легенду. И на ней мы уже подъезжали с пафосом. Нянечке, помню, рассказывал так: «Дядька “морковник” купил, такой крутой! Ну, машина такая, не от слова “морковь”».

Дед мой всю жизнь в совхозе шофёром на 53-м газике отпахал, я звук этого двигателя и сейчас за километр узнаю. Неповторимый гул и хруст коробки передач. «У-у-у-у». Бывало, поедет летом на мехток в деревню, а я с ним. Высадит на

повороте, пойду к тётке и у неё весь день отдыхаю. А вечером снова — «у-у-у-у». В общем, была у меня тогда уже тяга к технике, но по возрасту только велосипед и подходил. Ну и ладно, велик так велик. Первый, второй, третий. Перебрал не один десяток. Ремонтировал, красил и даже продавал. Конечно, сначала было нелегко. А затем — втулку-кадетку собрал, разобрал и пошло дело. Ремонтировать шибко негде было, а если и было — дорого! Пришлось самому учиться, голь на выдумку хитра, как говорится. Половинил и разбираю, велики — только в путь шли! И не только себе — брату.

Бывало, сделаем его велик, наладим, он неделю поедит — и опять в ремонт. Тросик лопнет, колесо спустит. Собираемся, чиним в гараже под музыку. Поломка — делу не помеха. И брата к технике приобщил, и сам душу отвёл. Велики великими, да вот захотелось взяться за машины.

«Димон подсказал»

Ну так вот, приспичило мне купить «москвич» — хоть убей! Попался вариант. Пока суд да дело — ушёл. Досадно было — не то слово. Но работал я как-то летом при школе подсобным рабочим, и был у меня одноклассник Димон. Разговорились между делом, вот, мол, надёжный советский автопром. И тут он заявляет: «Так напротив меня бабуля живёт, вот у неё в гараже-то “москвич” и стоит. Продать может недорого». Опаньки, смекнул: «Баба Маша — наш клиент!» Я к ней. «Баб Маш, — говорю, — продай “москвича”». Продала. Только вот, надо сказать, не очень-то он и хотел ехать. Двигатель не запустился. Я к Димону: «Ди-мо-он, айда подсоби, давай вытолкаем старика из гаража!» Правды ради, переоценил я наши силы. Куда нам, десятиклассникам, полторы тонны вытолкнуть. Тут сосед Петька на тракторе подъехал. Зацепили за плуг старика — и утащили до меня.

«Моя машина! Ну ничего себе!» В ограду загнал, баню натопил, мыло вспенил. В общем, полдня спустя засиял кузов, как полированный пятак. Да вот загвоздка: не заводится моя ласточка, и всё тут. Я уж и так, и эдак. И подсос вытя-

нул, и бензин подкачал, и кривым стартером попробовал. Бац — и завелась! Да только не летит, а ползёт. Чую: плохо дело. Самому не сладить. В ремонт, стало быть.

Ах, какой теперь

На работе у отца мужик есть — в двигателях разбирается. Золотые руки! Да он, если надо, и КамАЗ до болта разберёт. И соберёт обратно. Виктором Анатоличем звать, с ним мы, пока машину починяли, стали как родные. Он когда увидел мою ласточку, так и сказал: «Вот так «маскарад» ты откопал! Ну, давай, Димка, посмотрим. Для начала измерим компрессию».

Здесь не обойтись без комментария: компрессия — это то, с каким усилием поршень сжимает смесь из карбюратора. Нормальная компрессия — где-то 12 атмосфер, а если она слишком маленькая, двигатель нормально работать не будет. И тут дядя Витя замечает: «Ёлки-палки, да у тебя пять атмосфер! Ты как доехал вообще?! Я что предлагаю: мы этот движок вытащим, разберём полностью, поршневою заменим и капитальный ремонт сделаем». На том и порешили. Вытащили, разобрали. Но ведь и запчастей просто так не найти. Только под заказ. Заказали. Новую головку блока цилиндров отдельно нашли. Все клапаны притёрли, настала очередь коленчатого вала, или коленвала по-простому. Его отполировали, чтоб всё по фэншую было. Но вот оказия. Внутри этого самого коленвала есть каналы, по которым масло охлаждает его, но, судя по двигателю, при разборке которого грязь выгребали чуть ли не лопатой, они наверняка были забиты напрочь. А ещё эти подлые старые болты под плоскую отвёртку. Долбили-долбили их, сломали ударную отвёртку, но всё же открутили — и всё прочистили.

Собрали двигатель назад, заменив все прокладки и поршневою группу с гильзами. И раз пошло такое дело, добрались до подвески. Естественно, заменили стойки, все резиновые детали, сальники... Машину перестало водить. А ещё задача: край-то у нас сибирский, поэтому особое внимание надо уделить обогревателю.

Из него, как назло, в салон капала охлаждающая жидкость, видимо, лопнул радиатор. Пришлось исправлять, печка заработала не хуже ночью. И в салоне стало жарко: ботинок в снег — он и плавится. Да ещё красота какая настала, когда заменил кассетный приёмник на магнитола с подсветкой. Последний штрих: купили банки три краски и после нехитрой подготовки — недели ошкуривания кузова наждачной бумагой и обклейкой малярным скотчем — выкрасили кузов в насыщенный зелёный. «Ах, какой теперь. И правда "маскарад"!»

Собрали машину — и полетела моя ласточка.

Ехать стало легче, ехать стало веселей

Начали ремонт на январских праздниках и к маю закончили, пригнали домой красавца. А как он летит? Не страшны ему ни ямы, ни сельский просёлок. Ещё бы, такие сиденья, диван, ей-богу! Да и рессорная подвеска сказывается. Словом, не едешь, а летишь. Шумит мотор, нет, не шумит — подрывает так, что земля из-под колёс летит. В крутую гору, куда раньше заезжал со скрипом, теперь можно на четвёртой взлететь. А если понадобится, то и картошку можно отвезти, и лука сеток пять подгрузить. Под Modern Talking — самое то!

Мария Горобец

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина
«Молодые о молодых» в номинации «Лучшая аналитическая статья» (г. Санкт-Петербург)

«НА РЕЙВ ИЛИ В ТЕАТР?» ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ТЕАТРОМ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Говорят, любой тинейджер всегда выберет какую-нибудь бесполезную тусовку, а не самое культурное развлечение — театр. А чем полезен театр? Правда ли, что все его презирают? И даже в Москве? А если юный зритель, например, из Сургута или Астрахани? Давайте разбираться!

Театральное место

Представьте: 31 декабря, Новый год, вам девять. Вы сидите в театре в окружении своей семьи.

Они невероятно гордятся тем, что вносят вклад в ваше эстетическое воспитание. А вы смотрите спектакль «Ревизор» по пьесе Гоголя, понятия не имея, кто такой этот «ревизор». Три с половиной часа почти дословного пересказа текста. Для ребёнка три с половиной часа — это целая вечность! И вот я уже медленно стекаю по креслу и отчаянно пытаюсь не уснуть. Думаю, что театр — это скучно, и что теперь я, кажется, знаю, что значит ёмкое русское слово «тоска».

После потрясающего опыта с «Ревизором»

я долго не понимала, как театр может приносить людям удовольствие. Пытаясь найти ответ на этот вопрос, я продолжала ходить по театрам. Стоило моргнуть, и вот я уже стремлюсь провести там любой свободный день. И спорю со всеми взрослыми, которые говорят, что подросткам театр совершенно не интересен. Потому что знаю — интересен.

Тут стоит обозначить, что я живу в Петербурге. Чтобы изменить своё отношение к театру там, достаточно просто сходить в другой. А потом во второй и в третий. А потом уйти с этой улицы и перейти на следующую.

В Москве и Петербурге зрителям есть из чего выбрать. «Пересказ» незабвенной классики типа «Ревизора», Гамлет в свитшоте, идеально цитирующий свою литературную версию и, наконец, перформансы без какого-либо сценария. В столице масштаб классических постановок ничуть не меньше, а современный театр цветёт ещё более пышным цветом. Подростки постоянно слышат о культурной значимости своих городов. Могут пойти в театр, озадачившись словами «культурная значимость», могут из интереса, могут от скуки. Но городов в нашей стране намного больше, чем два.

За пределами столиц

Легко вести беседу о театрах из Москвы или Петербурга, где множество коллективов каждый сезон предлагают зрителям постановки на любой вкус. Большинству подростков в России не близка моя история, просто потому, что театров столько нет.

Участники образовательной программы «Литературное творчество. Журналистика и медиа» центра «Сириус» рассказали мне о театральных возможностях в их регионах. В Екатеринбурге, например, много театров: есть классические, есть современные площадки. Они в равной степени пользуются популярностью. А вот в небольшом городе Покачи Ханты-Мансийского автономного округа есть только дом культуры. Выступают в нём преимущественно энтузи-

асты, среди которых много школьников и студентов. Заинтересованная молодёжь проводит концерты и театральные представления. В близлежащем Сургуте большинство театров ставят классические постановки, сюда же приезжают на гастроли столичные коллективы. В Астрахани много театров разной направленности, есть и современные площадки, но их аудитория намного меньше. В Новокузнецке, наоборот, есть популярное современное пространство. Во все эти регионы приезжают на гастроли труппы крупных театров, всегда с классическими постановками.

Не только пересказ

Почему такой акцент делается на современных постановках? Это животрепещущая тема: можно, мол, ходить либо на одно, либо на другое. И подростки, говорят, чаще смотрят современные постановки, обходя стороной незабвенную классику. И, конечно, зря!

На самом деле не все молодые зрители решительно склоняются в сторону современного театра. Среди моих собеседников нашлись его фанаты, но в целом подростки охотнее ходят на классические постановки, или нечто среднее между этими двумя полюсами. Каждый может сравнить: все смотрели и классику, и творения современных режиссёров. Вне зависимости от выбора, все сошлись во мнении: «надо попробовать всё».

Театр, в свою очередь, готов отвечать потребностям нового поколения. Получить театральный опыт теперь можно новыми методами. На многих сценах уже не ставят простые «пересказы» литературных произведений. На помощь режиссёрам приходят технологии мультимедиа, новые принципы работы с текстом и много чего ещё. Такое разнообразие помогает театру успешно конкурировать с современными развлечениями: видеоиграми, кино или двухчасовым «залипанием» в смартфоне. Не стоит понимать под современными постановками только перформансы, на которых два актёра час сидят друг на-

против друга и молчат, а двенадцать зрителей, купивших билет за 2000 рублей, пытаются понять, что происходит. Количество современного в постановках бывает самым разнообразным. На отрезке от дословного пересказа «Ревизора» до подобного перформанса каждый зритель может найти подходящую ему точку.

«Театр — это профилактика старения мозга»

Для полной картины мнений нужно, конечно, спросить и взрослых. Особенно тех, кто связан с театром. Я поговорила с актрисой и преподавательницей актёрского мастерства Дианой Казаковой.

«Судя по тому, что спрос на занятия в театральной студии есть, эта сфера интересует подростков. Но немногие из них потом поступают в вузы, — говорит Диана. — Большинство смотрят на театр как на возможность раскрепоститься и на спектакли ходят, чтобы посмотреть на таких же раскрепощённых людей».

Современному человеку зачастую хочется чувствовать себя эмоционально свободным, и театр показывает ему, что такое возможно. Эмоциональная составляющая важна и для подростков, остро проживающих любые события своей жизни. Некоторых театр поэтому и привлекает: как ни странно, актёры на сцене, отыгрывая зачастую совершенно абсурдные роли, ведут себя как самые настоящие люди.

Я не смогла оставить без внимания вопрос о современном театре. Диана рассказала, что для неё лучший спектакль — тот, который провоцирует зрителя на какую-либо эмоцию, берёт его за душу. А какими средствами достигается такой эффект, уже не важно.

Мы поговорили и о развитии региональных театров. Диана училась в Ярославле — на родине русского театра — это искусство развивается и в классическом, и в современном направлении. Репутация города не даёт театрам увядать, а у жителей просто нет шанса забыть о них, и всё — тесная связь города с театром. А в Калуге, родном городе Дианы, всего три театра. По-

становки либо строгие и академичные, либо детские.

Всем своим собеседникам я задавала один и тот же вопрос:

«Чем полезен театр подросткам? Да тем же, чем и всем взрослым. Он даёт возможность копнуть глубже. Мы сейчас живём в таком быстром темпоритме: книжки лёгкие, тиктоки лёгкие... Какие-то базовые жизненные ценности и возможность высказаться за всем этим теряются. Мне кажется, театр — самый короткий путь до зрителя. Кино всегда проходит долгий процесс создания, а театр абсолютно ускоряет донесение важных мыслей до людей, которые сидят в зале. А вообще театр — это профилактика старения мозга. Учит тебя не забывать, что ты всегда существуешь среди людей, что без человека человеку трудно».

Что будет дальше?

Так какие же отношения у подростков с театром? Сложные, но от этого не менее бурные. Вопреки расхожему мнению, подростки вовсе не забывают про театр, а наоборот, последовательно превращаются в новое поколение зрителей. Интерес к театру подкрепляется не только походами на спектакли, но и собственной деятельностью в этой сфере. Достаточно вспомнить молодых жителей Покачей, использующих местный дом культуры как площадку для своих творческих экспериментов. А сколько таких энтузиастов по всей России!

Развитие региональных театров значительно отличается от региона к региону, но в целом, к сожалению, намного уступает столичным. В защиту столичных можно сказать, что свои постановки они активно вывозят за пределы родных сцен. Некоторые организуют и новые постоянные площадки, как, например, Приморская сцена Мариинского театра. Но, возможно, стоит сделать ещё несколько шагов в сторону развития современного театра в регионах. Думаю, столичным театрам стоит периодически показывать неискущённым зрителям и совре-

менные спектакли. Конечно, первое время они будут получать меньше оваций, но только так можно взбодрить современный театр за пределами столиц. А без бодрого современного театра не будет развития этого искусства в целом.

Вернёмся к вопросу, который я задавала всем. Что может дать подросткам театр?

«Театр — это искусство, а искусство — это про человека. Мы можем изучать себя, когда смотрим постановки, можем приобрести опыт, которого не получим в жизни. Это во-первых. А во-вторых — просто эстетическое удовольствие» (Настя, 17 лет).

«Мы постоянно куда-то бежим, а театр даёт возможность остановиться и подумать о чём-то важном» (Аня, 16 лет).

«Театр даёт мотивацию и чувство прекрасного. Они всегда вместе: если нет чувства прекрасного, то какая может быть мотивация?» (Кирилл, 16 лет).

Думаю, они отлично знают ответ на этот вопрос.

Ходите в театры и обязательно смотрите по сторонам. Где-то рядом с вами точно сидит подросток, который выбрал пойти в театр, а не на тусовку.

Кристина Евдокимова

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина
«Молодые о молодых» в номинации «Лучшая аналитическая статья» (г. Санкт-Петербург)

«СЛОВО ПАЦАНА», «БРИГАДА», «БРАТ» И ДРУГИЕ: ПОЧЕМУ КИНОРАБОТЫ С КРИМИНАЛЬНЫМ КОНТЕКСТОМ ВЫЗЫВАЮТ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОБЩЕСТВЕ, НЕСМОТРЯ НА ИХ ПОПУЛЯРНОСТЬ?

Подробно разбираемся в проблеме вместе с экспертами — кинокритиками и психологом

Сериал Жоры Крыжовникова «Слово Пацана. Кровь на асфальте» стал одним из ярких и обсуждаемых российских кинособытий в уходящем году. История о казанских молодёжных группировках конца 1980 годов, в основу которой легла документальная книга журналиста и исследователя казанского феномена Роберта Гараева «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х» вызвала массу споров и дис-

куссий как среди зрителей, так и среди политиков.

Одно из главных обвинений «Слову пацана. Кровь на асфальте» состоит в том, что сериал якобы романтизирует жизнь казанских молодёжных группировок и события, происходившие в тот период в Казани. Однако сам режиссёр Жора Крыжовников непонимающе заявил Кинопоиску — о какой, дескать, романтизации вообще идёт речь?

«Я не понимаю, что значит романтизация. Мы

не можем восхищаться ужасом. И нас в этом странно обвинять. Вышло пять серий, и зритель видит, что там дальше происходит. Тема для меня такая: преступление не может быть безнаказанным. Если раз ступишь на эту дорожку, тебе вернётся в этом колесе сансары. Оно придёт неизвестно как. То, что называют романтизацией, — это то, что наши герои не однозначно плохие, а часто сложные, запутавшиеся, потерявшие дорогу», — Жора Крыжовников, режиссёр сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте», Кинопоиску.

На самом деле, криминальная драма Жоры Крыжовникова — не единственная киноработа, которую обвиняли в излишней романтизации и иллюстрации насилия. Под раздачу попадали и другие, уже культовые художественные произведения и их создатели: так, например, криминальную сагу «Бригада» не раз обвиняли в романтизации бандитизма, а режиссёра фильмов «Брат» и «Брат-2» Алексея Балабанова — в национализме и жестокости.

При этом, несмотря на такого рода обвинения, интерес россиян к кино о бандитах и ОПГ, как ни странно, растёт: только за 2022 год в России вышло более 50 фильмов и сериалов на криминальную тематику, пишет «Дискурс» (это в среднем один новый фильм каждую неделю, подсчитало издание). А перевыпуск в том же году «Брата» и «Брата-2» в кино заработал 44 млн рублей за уик-энд. Для сравнения: это почти в 30 раз больше, чем сборы за первый уик-энд перевыпуска «Асса» (1989 года), фильма режиссёра Сергея Соловьёва, которые составили более 1,5 млн рублей.

Так почему же, невзирая на обвинения, молодёжь и взрослые люди продолжают интересоваться кино на криминальную тематику, а режиссёры — готовить новые работы? Может ли такое кино сподвигнуть к насилию, да и почему мы вообще романтизируем бандитов и маргинальный образ жизни? Ну и самое главное — если запрещать к просмотру такое кино, что это изменит?

В этих и других вопросах мы разбирались

вместе с экспертами — кинокритиками Еленой Зархиной и Вячеславом Зобовым, а также клиническим психологом сервиса PsyPsy Илоной Багдасарян.

Кино с криминальным контекстом остаётся популярным у зрителей и режиссёров. Почему?

Как ни странно, но эксперты сходятся во мнении, что ответ — в самих нас. Точнее, в сложном укладе жизни большинства из нас и сотни тысяч других россиян, которые проживают в регионах России. Эти трудности распространяются на основные сферы нашей жизни — начиная с уровня доходов и заканчивая состоянием жилья, которое в некоторых случаях в принципе не пригодно для жизни.

В других случаях трудности порождают рост криминала: так, согласно рейтингу регионов по преступности РИА Новостей за 2022 год, наибольшее количество преступлений было зарегистрировано в 7 регионах (более 150,1). Среди них, например, оказалась Республика Тыва — регион, в котором были зафиксированы наиболее низкие доходы.

Выходит, что на фоне трудной жизни и бытовых проблем появляется знакомый образ — понятный персонаж со схожими неурядицами, переживаниями и мыслями.

По мнению кинокритика, культуролога Вячеслава Зобова, «популярность криминальных кинолент складывается из того, что на экране появляются знакомые многим образы. И речь идёт не столько о самих бандитах, сколько об их окружении». Кинокритик Елена Зархина добавляет, что такой «своеобразный "лирический герой" легко узнаваем и более понятен широкому зрителю». А клинический психолог Илона Багдасарян уточняет, что близки такие герои и сюжеты потому, что люди узнают в них либо пережитое, либо находят в них своего рода лидера с твёрдой рукой, который проживает трудности и тяжёлые времена, не опуская головы.

«Россия — страна огромная, и население у неё тоже огромное — 140 млн человек (146,4 млн. — *Прим. ред.*), большая часть из которых живёт за

пределами столицы и прочих крупных региональных центров. Жизнь в регионах сложная и с культурной, и с социальной, и с финансовой точки зрения. И жизнь жителей всей России во многих сферах сильно отличается от жизни москвичей и питерцев. В регионах уровень криминала выше, а уровень жизни ниже. На этой почве вырастает своеобразный “лирический герой”, который легко узнаваем и более понятен широкому зрителю. Сложно ассоциировать себя с героями условных “Содержанок” — почти что элитарного проекта, в котором всё такое необычное, богатое, яркое, что это напоминает репортаж с Луны. А вот простые истории с “народными героями” населению ближе. Они не элитарны и рассчитаны на массового зрителя, которому в них проще узнать себя или своего соседа, или просто прохожего», — объясняет кинокритик Елена Зархина.

«Практически все элементы, демонстрируемые в сериале, хорошо знакомы даже тем, кто рос в нулевые и 10-е. Дело в том, что большая часть населения России (70%) проживает в многоквартирных домах, которые с годами практически не меняются. Точно так же мало меняется и окружающее пространство. В итоге формируются районы, которые как будто застывают во времени словно музейные экспонаты. Подобные места сами по себе вызывают ощущение опасности, но нередко опасность, даже в наше время, становится реальной. К сожалению, особенно это заметно в регионах России», — добавляет Вячеслав Зобов, кинокритик.

Но помимо этого, по мнению Вячеслава Зобова, есть ещё одна причина, которая объясняет интерес зрителей к криминальному кино, — это криминализация культуры, которая постепенно происходила в России: «Это во многом связано с тем, что в социокультурном пространстве практически всегда находились заключённые. В царское время огромное наследие оставили после себя декабристы, в СССР огромная часть населения прошла через ГУЛАГ, в 90-е и 00-е криминальный мир практически никогда не выходил из инфополя. В результате сформировалось

общество, где каждый знает тюремные загадки, может напеть “Мурку” и использовать в речи специфический криминальный сленг.

Если говорить конкретно о “Слове пацана”, то здесь на вышперечисленные факторы накладывается своеобразная ностальгия. Здесь есть посиделки с друзьями, просмотр фильмов в видеосалоне, картошка на костре и вместе с этим страх за свою жизнь и ощущение, что мир разваливается. Люди вспоминают своё тяжёлое детство, в котором, тем не менее, была своя романтика. Даже сам режиссёр говорит, что для него сериал, — это путешествие в детство и к травмам. А современным подросткам это интересно, так как они сейчас оказались в схожих обстоятельствах...» — Вячеслав Зобов, кинокритик, культуролог.

Именно эти вещи, по мнению экспертов, объясняют, почему люди не перестают увлекаться кино на криминальную тематику, в том числе, высоко оценили драму «Слово пацана. Кровь на асфальте». А режиссёры, в свою очередь, этот интерес давно отметили. И поэтому они продолжают не только писать криминальные сюжеты, но и разбираться в странном, запутанном и многозначном маргинальном мире.

«...Интерес индустрии и кинематографистов напрямую связан со зрительским запросом. Если рейтинги показывают, что такие проекты пользуются популярностью, значит, их будет только больше. Простая формула: спрос рождает предложение», — объясняет Елена Зархина, кинокритик.

Зрители, в том числе молодёжь, часто романтизируют отрицательных героев таких фильмов. Почему так происходит?

Когда сериалы и фильмы затрагивают сложные периоды, поднимают социальные темы и проблемы (того или нынешнего времени, неважно), к создателям таких проектов, как правило, возникают претензии. Одна из них — в излишней романтизации ОПГ и главных героев. Также, повторимся, произошло и со «Словом пацана»: сторонние режиссёры и кинокритики видят в сериале сложные образы, а подростки

и молодежь — супергероев. Но почему так происходит?

Отметим сразу: как у сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте», так и у других знаковых работ — саги «Бригада» и дилогии «Брат» есть маркировка 18+. Иными словами, режиссёры сразу дали понять зрителям: это кино — не для детей. Почему же подростки умудряются смотреть эти кинокартины, в том числе, увидели криминальную драму Жоры Крыжовникова, — вопрос точно не к создателям кино.

Прежде чем объяснить этот феномен, эксперты с сожалением отмечают: криминальные фильмы и сериалы действительно часто обвиняют в романтизации преступности и насилия. Но тут же добавляют: как правило, такой взгляд на киноработу — поверхностный, так как не имеет ничего общего с реальностью и с целями, которые вложили авторы в кино. Главная из них — показать, что существование в криминальном мире ни к чему хорошему не приводит.

Поэтому и в отношении «Слова пацана» речи о романтизации оказались, что называется, приукрашенными: ни авторы, ни актеры, ни сам Жора Крыжовников не вкладывали этот смысл в работу. А первое впечатление от героев в первых сериях, подчёркивает Елена Зархина, оказалось обманчивым — как, в принципе, во многих киноработах криминального жанра: «Сериал “Бригада” вышел в начале нулевых, когда ещё были очень свежи в памяти страшные и голодные 90-е, во время которых развивается большая часть показанных в сериале событий. Да, главные герои были очаровательны и харизматичны, но как говорит в сериале отец Космоса Саше Белому ближе к финалу: “Вы сами во всем виноваты, вы совсем озверели и кровью умылись”. Это обличительная интонация самих авторов, художественно “наказавших” всех героев, которые вообще-то совершили много зла и получили по заслугам. “Бригада” в числе первых проектов постаралась отразить тяжёлое время с социальной и политической точки зрения.

Мне кажется, что социальный дискурс о том, романтизирует то или иное произведение искусства тему насилия или нет, очень важен. Но в отношении сериала “Слово пацана. Кровь на асфальте” его начали изначально те, кто либо не смотрел проект вовсе, либо те, кто видел только первые серии, во время которых происходит наше знакомство с героями. А ведь первое впечатление часто обманчиво. С персонажами сериала это впечатление тоже ложное: постепенно краски в сюжете сгущаются, судьбы героев ломаются и становится очевидно, что это история про потерянное поколение и страну, которая так и не сумела себя пересобрать на границе двух эпох», — добавляет Елена Зархина, кинокритик.

Однако с точки зрения сценария всё-таки есть объяснение, рассказывает кинокритик Вячеслав Зобов, почему нападки и обвинения в сторону криминального кино не прекращаются — всё дело в приёмах, которые используют авторы для сближения героя со зрителем. Иначе, как отмечает эксперт, такой «фильм или сериал никто не станет смотреть»: «Мы бы не прониклись к героям “Слова пацана», если бы их поступки были ничем не мотивированы. Кроме того, «Слово пацана» использует один из самых простых, но в то же время действенных сценарных приёмов. Он называется «спасите котика». Его суть состоит в том, что персонажи должны сделать на экране что-нибудь хорошее. И вот в первой серии герои спасают алкоголика, который уснул на улице и рискует замёрзнуть насмерть. Это демонстрирует, что даже криминальные элементы способны сочувствовать и заботиться о других».

Причину, по которой взрослые и подростки, пусть даже не разделяющие тему преступности, сопереживают отрицательным героям, также объясняет клинический психолог сервиса PsyPsy Илона Багдасарян. По её мнению, несмотря на то, что герои таких криминальных киноработ — от Саши Белого и Данилы Багрова до Вовы Адида-са и Пальто — совершают насилие, зритель проникается ими потому, что эти персонажи совершают и положительные поступки, имеют и положительные черты характера. Кто-то напо-

рист, кто-то верен дружбе, а кто-то, как, например, герой фильма «Брат» Данила Багров, имеет «спорную, но собственную мораль». «Да, она идёт вразрез с законом, с Уголовным кодексом, но она какая-то есть», — объясняет феномен эксперт.

Иными словами, герои этих киноработ, как и люди, нелинейны — они сложны, не идеальны, но также не обделены и положительными чертами.

Вторая же причина заключается в том, о чём мы говорили выше — многим людям, особенно из рабочих районов и регионов, такая иллюстрация жизни героев близка, потому что составляет их быт. «Так же, как и сюжет "Бригады, так же как и сюжет «Слова пацана»", то есть для многих людей это действительно их жизнь». Ну и третья причина заключается в том, что некоторые люди являются такими же, как герои той или иной киноработы, — считает эксперт.

Возможно ли предотвратить романтизацию?

Ответа в форме «да» или «нет» не найдётся — потому что сама по себе романтизация отрицательных героев и криминальных фильмов, по мнению кинокритика и культуролога Вячеслава Зобова, — это следствие искажённого восприятия.

«Сама по себе романтизация, в большинстве случаев, это вопрос неправильного восприятия. Да, Саша Белый, условно говоря, крутой — он сколачивает банду, ведёт бизнес, водит дорогой автомобиль и может позволить себе жить на широкую ногу. Но при этом все его действия ведут к трагическим последствиям. Подростки копируют таких героев, так как они интересны. Но это не значит, что они не понимают сути того, что с ними происходит», — Вячеслав Зобов, кинокритик, культуролог.

Клинический психолог сервиса PsyPsy Илона Багдасарян отмечает, что если герои таких фильмов вдохновляют подростков повторять действия, то «виноват в этом не фильм, а те причины, из-за которых именно эти дети решили вступить на этот путь»: «В этом-то виноват, всё-таки, будет не фильм, а именно то, почему именно эти подростки решили ступить на этот путь. Если дети

будут повторять что-то плохое, родителям стоит подумать о том, как они их воспитывали, от чего получилось так. Такие истории напоминают споры по поводу влияния и компьютерных игр, и всего остального на неокрепшую психику. Однако самое плохое влияние на неокрепшую детскую психику, как мы знаем, оказывают неокрепшие взрослые».

А кинокритик Елена Зархина резюмирует: сюжет сериала «Слова пацана. Кровь на асфальте» впоследствии разворачивается так, что отбивает всякую тягу к романтизации у молодёжи и взрослых. У тех же, кто пережил те времена, драма вовсе не ассоциируется с романтическим чувством: бывшие участники и заставшие группировки признаются, что сериал «ещё щадит зрителей» и некоторые из них даже не могут смотреть сериал из-за горьких воспоминаний. Для таких зрителей создатели «Слова пацана» даже оставили QR-код на сайт социально-просветительского проекта «Пацаны меняются», помогающего семьям и подросткам найти общий язык и понять друг друга в непростые периоды жизни.

«Во второй половине сериал не вызывает никаких других чувств, кроме искреннего ужаса от показанного. Это хороший отрезвляющий эффект для зрителя, который после каждой новой серии в своих соцсетях включался в активную дискуссию уже не о самом сериале, а о том времени и живших в то время людях. Из всего этого возник и определённый терапевтический эффект: те, кто тогда жили и видели своими глазами многие показанные на экране ужасы, пытаются в обсуждениях проговорить свою боль, обнажить незажившую рану. Возможно, до этого момента у них не было возможности эту травму отразить. А благодаря сериалу она появилась».

Но есть и обратная сторона — для других участников реальных событий, по мотивам которых снят сериал, это слишком болезненный и даже травмирующий опыт. Многие признаются, что не находят в себе сил посмотреть сериал из-за болезненности личных воспоминаний.

Что касается дополнительных “мер предосторожности” со стороны авторов сериала. В конце каждого эпизода на экране возникает QR-код, перейдя по которому можно выйти на сайт социально-просветительского проекта “Пацаны меняются”, помогающий родителям и подросткам, оказавшимся в острых ситуациях», — объясняет Елена Зархина, кинокритик.

Помимо вопросов о романтизации, такие фильмы также не могут привести к насилию, считают эксперты. Они приводят аналогичный пример: уже на протяжении нескольких десятилетий идут споры о влиянии видеоигр на психику, которое приводит к стрельбе, убийствам и прочим преступлениям. Однако дело тут не в компьютерных играх — что, собственно, подтверждается многочисленными исследованиями, — а в другом. Например: в воспитании и отношениях в семье, со сверстниками. В окружении и той среде, в которой живёт человек.

Поэтому эксперты единодушны в том, что просмотр того или иного криминального кино сам по себе не может привести к насилию. Елена Зархина, кинокритик, отмечает: «Художественное произведение не в силах увеличивать уровень насилия. Об этом, кстати, неоднократно говорили и результаты различных исследований». А Илона Багдасарян, клинический психолог, добавляет, что «если кого-то сериал на криминальную тематику и сподвигнет к насилию, то этот человек уже без этого сериала был максимально предрасположен к насилию, был в группе риска, это важно».

Точно так же и авторы кино не ответственны за реакцию, возникшую у зрителя, — отмечает Елена Зархина, — они ответственны лишь за результат проделанной работы.

«Авторы ответственны за художественный результат сделанного ими проекта. Сценарист ответственен за сценарий, режиссёр — за режиссуру, актёры — за актёрскую игру и т. д. А за то, как их проект воспринимает зритель, ответственен только зритель. Кто-то однажды сказал: “Пока ты смотришь фильм, фильм смотрит тебя”. То, как мы воспринимаем какие-то вещи и реаги-

руем на них, тоже что-то сообщает о нас самих. Риск того, что сериал “Слово пацана. Кровь на асфальте” вызовет какую-то волну подражания главным героям среди молодой аудитории, конечно, есть. И это тревожит. Но перекладывать ответственность за это только на авторов шоу нечестно. У подростков есть родители, учителя, которые занимаются их воспитанием», — Елена Зархина, кинокритик.

Недавно «Слово пацана. Кровь на асфальте» хотели запретить, но не сделали этого. А если и запрещать, то что изменят запреты? В самом начале мы упоминали о том, что требования закрыть «Слово пацана» были нешуточными — того просили родители, но в первую очередь чиновники. Словесная баталия завершилась, когда Роскомнадзор подтвердил, что не нашёл нарушений в сериале. Однако мы задались вопросом — а если бы и запретили, то что бы это изменило?

Наши эксперты опять сходятся во мнении — запреты не изменили бы ничего. Произошло бы, возможно, наоборот: интерес к криминальной драме в разы бы вырос. Потому что запреты, как бы удивительно это не выглядело, работают именно так. Или, как говорится: «Запретный плод всегда сладок».

«Любые запреты, как известно, имеют ровно противоположный эффект тому, на который рассчитывают запрещающие. Говоря проще, запрет только усиливает интерес к тому, что запрещают. Так устроен человек и его восприятие. Запрет только усилит внимание к проекту, увеличит число его зрителей, но никак не наоборот. Поэтому любые запреты в данном случае просто бессмысленны», — Елена Зархина, кинокритик.

«Запрет произведений культуры и искусства, как правило, не приводит ни к чему хорошему. А чаще всего такие запреты просто бесполезны. Так, если какой-то фильм не выходит в кинотеатрах, зрители всё равно находят способ его посмотреть. Более того, запрет сериала на середине не позволил бы авторам донести свою основную идею», — резюмирует Вячеслав Зобов, кинокритик, культуролог.

Любовь Копытова

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина
«Молодые о молодых» в номинации «Лучший очерк» (г. Барнаул, Алтайский край)

«ЛЮБОВЬ НА МИЛЛИОН». КАК БАРНАУЛЬСКАЯ СТУДЕНТКА УСПЕВАЕТ УЧИТЬСЯ, УЧИТЬ, ЖЕРТВОВАТЬ И ВЫИГРЫВАТЬ СОСТОЯНИЕ

Умница, красавица, комсомолка... Нет! Умница, красавица и миллионерша — вот так кратко можно описать Любовь Суханову из АлтГУ, которая победила во всероссийском студенческом проекте, в тот же день выиграла крутую стажировку в Москве, а в остальное время успевает преподавать английский, танцевать, ездить по сёлам с помощью пенсионерам и вязать для нуждающихся.

Надо благодарить спорт

Люба говорит прямо: за силу воли и неумение останавливаться перед трудностями стоит благодарить спорт и тренеров, которые воспитали в ней стойкий характер и умение достигать своих целей. В 2,5 года родители отдали уже тогда непоседливого ребёнка в художественную гимнастику.

«Папа с молодости был фанатом этого вида спорта и мечтал отдать меня в него, — с улыбкой рассказывает студентка. — Изучив биографии великих спортсменов, он, как максималист, понял: начинать надо как можно раньше. Алина Кабаева пошла в гимнастику в три года, меня отправили в два с половиной, чтобы я была круче. К сожалению, я таким фанатом не стала, как и олимпийской чемпионкой».

Зато стала мастером спорта — после 16 лет упорных тренировок. Завоевав это звание перед поступлением в вуз, Люба решила, что пора двигаться дальше.

Мастер Шифу

Кровь спортсменки кипела от жажды деятельности, поэтому для начала она решила влиться в актив университета и постараться найти друзей. В поисках себя Люба пробовалась в разных кружках, пока однажды не попала на тренировку танцевального коллектива KUB'A («Куба»). И после одной тренировки с руководителем — Александром Пучковым — поняла, что хочет остаться навсегда.

«В "Кубе" я нашла новую себя после спорта, — с уверенностью говорит девушка. — Для меня буквально открылся новый мир. С тренером я познакомилась только на втором занятии и вот тогда поняла, что остаюсь. Александр Валерьевич похож на Мастера Шифу из "Кунг-фу панды". Такой же умудрённый жизнью, много чего повидал, стремится к познанию мира. Или стремился, а теперь пожинает плоды. В общем, он очень интересный и творческий человек, который передаёт свои знания нам».

Кроме того, что «Куба» стала второй семьёй для студентки, участие в коллективе позволило завоевать не одну награду и на танцевальном поп-прище.

Ответ пришёл сам собой

Всё, за что берётся Люба, не остаётся просто хобби. Даже из вязания девушка сначала сделала маленький бизнес, принимая заказы, а потом представила проект «Воздушная петелька помощи» во всероссийском студенческом конкурсе «Твой Ход» в треке «Делаю». В нём она выиграла миллион.

«До этого я уже проводила мастер-классы по вязанию, и мне очень нравилось получать энергию от ребят, — отмечает Любовь. — Они сами получали удовольствие от процесса и уходили счастливые. Но многим готовые вещи были не нужны — они приходили только ради вязания. Тогда я задумалась, а куда можно пристроить ненужные изделия? Покопалась в информации и поняла, что в Алтайском крае очень большой процент малоимущих многодетных семей по сравнению с другими регионами. Ответ пришел сам собой: нужен благотворительный проект».

Так студенты по 10–15 человек стали приходить к Любе вязать шарфики, шапочки и лежанки для котиков. А люди и животные, которые в этом нуждались, потом их получали. В плюсе оставались все, но главное — получали душевное тепло от добрых дел. Люба говорит: «С детства мне запомнилась песня. Там пелось так: чем больше ты отдал, тем богаче душа. Наверное, я теперь всю жизнь этому следую».

Возможно, милосердие девушки и сыграло роль в определении победителей «Твоего Хода», одним из которых стала Любовь. Тот день вообще стал для неё апогеем счастья, потому что Люба выиграла не только миллион.

«Какой же хороший день!»

Почти одновременно с финалом «Твоего Хода» проходил форум «Медиашколы Подмосковья».

Одним из приглашённых экспертов был Эльбор Чернов — президент киностудии имени Кира Булычева. Люба успела побывать и там, и там.

Говорит, что с Эльбором у них сложился «профессиональный коннект». Сам продюсер согласился стать экспертом с условием, что организаторы предоставят одному из участников стажировку. Пока Люба ехала на «Твой Ход», выяснилось, что тем самым везунчиком оказалась именно она. А потом еще и стала миллионершей.

«Я тогда подумала: какой же хороший день! В «Медиашколу», надеюсь, смогу поехать на ближайшей практике — это будут три недели в "Артеке"».

«Какой же красивый мир!»

Выигрыш Люба частично потратила на технику: купила новый телефон — взамен своему старичку — и компьютер. Однако главное — решилась на коррекцию зрения. Ни очки, ни линзы Люба носить не хотела и уже даже смирилась, что всегда будет видеть мир размытым.

«Но когда я сделала операцию, я поняла, какой же красивый мир! — с восторгом делится Любовь. — Теперь хожу по улице и залипаю на все. Недавно была на отчетном концерте «Кубы» и впервые увидела, с какой эмоциональной отдачей танцуют ребята. Всем людям, которые хорошо видят, советую этим пользоваться и наслаждаться красотой окружающего мира».

«Все узнают меня по огромным сумкам»

Когда Люба открывает свое расписание — восхищение и ужас от его заполненности приходит сам собой. Без отдельного файла, действительно, не обойтись. Кажется невероятным, что один человек может успевать столько всего.

«Сон — это святое, поэтому рано я практически не просыпаюсь. Раньше я жила в селе Рассказиха, это в 40 минутах езды от Барнаула. И вот тогда приходилось вставать ранним утром, чтобы ездить в город на художествен-

ную гимнастику. Поэтому сейчас я позволяю себе вставать не раньше 8:30, а то и 10:00 утра».

С утра у Любы танцы в коллективе университета, потом — пары. Параллельно могут быть записи подкастов или съёмки для проектов, ведь Люба — студентка направления медиакоммуникаций. А ещё глава книжного клуба и тьютор — наставник для младших курсов.

«Все мои знакомые узнают меня по огромной сумке или даже несколькими баулам. У меня с собой то штативы, то вещи для тренировки, то ещё что-нибудь».

Вдобавок недавно Люба начала заниматься паппингом.

«Это стиль танцев, который отличается неестественными, очень эффектными движениями. Хочу круто танцевать, чтобы все обалдевали, как я умею», — говорит она.

По вечерам девушка работает — помогает школьникам подтянуть английский язык. Это — наследственное, спасибо бабушке-репетитору. А после этого идёт в кофейню — практически до полуночи заниматься уже своими учебными делами.

На третьем курсе Люба присоединилась к студенческому отряду «Снежного десанта» «Горизонт». Раз в год они выезжают в село, знакомятся с местными жителями, дают концерты и мастер-классы. И, конечно, помогают пенсионерам чистить снег. Люба привнесла в отряд свой проект о вязании — теперь на мастер-классах сельские дети вяжут игрушки, шапочки и шарфы, а потом могут забрать их себе. «Иногда ребята вяжут не по моим схемам, и у них получаются какие-то совершенно невероятные вещи», — с восхищением делится она.

Как вишенка на торте: в марте Любовь стала амбассадором «Всемирного фестиваля молодёжи», который прошёл в Сочи.

Помогает от выгорания

Говорят, что активисты или бегут от проблем, или быстро сдуваются. И своей бурной

деятельностью лишь зарабатывают жёсткое выгорание. У Любы с восприятием реальности всё хорошо. А вот выгорание — сложная тема.

«Я сама всем своим знакомым задаю вопрос о большой усталости, но про себя ответить наверняка не могу, — признаётся она. — Я чувствовала подобное, когда вернулась с недавнего фестиваля, где танцевала сольный номер с лентой. Но у меня никогда не было ощущения, что хочется всё по-настоящему бросить. Устала от танцев? Переключилась на учёбу, и всё. Смена деятельности помогает справиться».

Мечта — домик у моря и путешествия

Чем конкретным займётся в будущем, Люба ещё не знает. У неё есть целый год, чтобы определиться с жизнью после вуза. Пока Люба просто готова работать и добиваться новых успехов. Из туманных планов — хочет работать через проекты: не сидеть на одном месте, выезжать куда-нибудь в глушь на пару месяцев, снимать там что-нибудь, а потом — в новую локацию.

«Может быть, перееду или поступлю в магистратуру. Пока для меня это остаётся тайной. Очень хочется при этом путешествовать. А вообще моя главная мечта — свой домик у моря в арт-кластере "Таврида", лидером мнений которого я сейчас являюсь и нацелена стать амбассадором».

Иван Левченко

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина
«Молодые о молодых» в номинации «Лучшая аналитическая статья»
(г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ)

МОЛОДЁЖНЫЕ ГРУППИРОВКИ В РОССИИ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Молодёжная преступность, молодёжные субкультуры, молодёжные группировки — эти слова знакомы каждому из нас по сводкам новостей и профилактическим занятиям в школах. У кого-то они вызывают страх, у кого-то — уважение, у кого-то — симпатию, у кого-то презрение. Отношение к этим понятиям во многом зависит от возраста и жизненного опыта. Но при всём кажущемся сходстве эти понятия обозначают совершенно разные вещи, объединённые возрастной категорией, но отличные друг от друга по своей сути.

«Неформальная молодежь» — возьмём такое общее обозначение для всех этих понятий, — постепенно становилась частью российского сознания, начиная с конца 1980-х годов. Само слово «неформал» произошло от словосочетания «неформальные молодёжные объединения», использовавшегося органами внутренних дел для характеристики всех молодёжных сообществ, независимых от властей и представляющих течение, альтернативное официально установленному в СССР, будь то в идеологической или творческой сфере.

«Неформалы» в значительной степени затрагивали творческую сферу, однако их протест, направленный по отношению к господствующей идеологии и официальной политике, выражался в самом образе жизни. Рваные джинсы, фенечки, банданы и длинные волосы — всё это было неотъемлемой частью образа молодого нефор-

мала. В период с 1970-х до середины 1980-х годов неформальная молодёжь в СССР в основном подражала своим западным аналогам в лице хиппи и панков, что выражалось в их подчёркнутой обособленности и независимости от властей, а также в нестандартном поведении и фривольном образе жизни. Их «сомнительность» с точки зрения органов правопорядка и действующей власти выражалась разве что в противопоставлении себя комсомолу и в отказе от следования официальной идеологии, отказе от подчинения государству. При этом в те годы для неформалов не было характерно наличие радикальной риторики и насильственных действий. Исключением из этого правила стали молодёжные банды, о которых мы и поговорим более подробно в данной статье.

О молодёжных группировках в СССР впервые заговорили в связи с появлением «Казанского феномена» в 1980-е годы, когда ряд городов Татарской АССР обрели печальную славу из-за активной деятельности молодёжных банд, чьи названия повторяли наименования улиц и районов этих городов, где проживали участники группировок («Хади-Такташ», «Березково», «Первогорские» и другие). Особенно остро эта проблема коснулась Казани, где почти каждый третий молодой человек состоял в той или иной группировке или имел там родственника.

Средний возраст участников группировок колебался. Сначала туда входили «трудные под-

ростки», в первую очередь школьники. Однако затем туда стали входить студенты, работающая молодёжь до 35 лет и даже дети высокопоставленных партийных «боссов». Почти всех их объединял острый поколенческий конфликт со старшими родственниками, стремление обособиться и отгородиться от родителей, чтобы как можно быстрее начать жить независимой взрослой жизнью. При этом казанские молодёжные группировки заметно отличались от неформальных хулиганских сообществ такими особенностями, как наличие строгой иерархии, жёсткой дисциплины, высокой организованности в виде сбора «общака», координации действий и своеобразной «дипломатии» на уровне районов.

Что же заставляло молодых ребят, ещё не успевших окончить школу и выйти из-под родительской опеки, вступать на этот опасный путь раннего криминала? В качестве главной социальной причины исследователи выделяют разрыв между городом и деревней, порождённый массовым переездом жителей татарских сёл в Казань в 1950-е годы. Из этого также вытекал естественный конфликт отцов, выросших в деревенской среде, и их городских детей, не понимающих и не признающих старый образ жизни. Поиск новых взрослых авторитетов нередко приводил таких подростков к уголовным авторитетам и «блатной» романтике, особенно ставшей популярной после освобождения целого ряда заключённых в середине 1950-х годов.

Наряду с этим внутри самого советского общества назревал кризис идентичности. Впоследствии этот болезненный для многих молодых людей процесс будет продемонстрирован в эпоху «перестроечного кинематографа», в таких фильмах, как «Авария — дочь мента», «Меня зовут Арлекино» и других. Не видя какого-либо смысла в деятельности внутри системы и не веря в идеалы, пропагандируемые комсомолом, молодёжь уходила в группировки и субкультуры, предоставлявшие те возможности, которых не было у их официальных конкурентов: свобода, возможность для самоутверждения, неформальность, нарушение табу.

Этот процесс неизбежно связан с теми девиациями, которые могут быть характерны для подростков. Чтобы лучше понять особенности формирования девиантного (противоправного) поведения у подростков, участвующих в группировках, мы спросили одного из ведущих криминологов России и основоположника отечественной девиантологии, доктора юридических наук, профессора Якова Ильича Гилянского. Вот его ответ:

«Причины, которые заставляют подростков участвовать в деятельности преступных группировок, такие же, как и на протяжении всей истории человечества. Всегда есть межпоколенческий разрыв, когда взрослые не понимают молодых, а молодые не понимают взрослых. Можно вспомнить "Чикагский феномен" в Америке 1960-х и «Казанский феномен" в СССР 1980-х годов. Дело в том, что у каждого человека есть потребности в пище, сексуальном удовлетворении и самоутверждении. У подростков потребность в самоутверждении гораздо больше, чем у взрослых людей, а возможностей для этого — значительно меньше. При этом хочется добиться успеха прямо здесь и сейчас. Но у подростков нет образования, профессии и поэтому они чаще самоутверждаются в нелегальном поле. Это то, что психологи называют комплексом Герострата — самоутверждение через разрушение.

Также следует выделить особенность, в большей степени характерную для России, — отсутствие социального лифта, то есть возможности подняться по карьерной лестнице. У подростков нет возможности легально двигаться вверх и самоутверждаться в легальном поле, что приводит их к участию в нелегальной деятельности. Трудно говорить об эффективных методах профилактики этого явления, помимо уже существующих стандартных и, к сожалению, малоэффективных методик психологической работы с подростками. Ситуация явно усугубляется в сельской местности и в малых городах в связи с ухудшением социально-экономической ситуации. Не следует также забывать про фактор СМИ и интернета, который позволяет подрост-

кам черпать значительно больше информации, чем раньше...».

На сегодняшний день проблема молодёжных группировок остаётся достаточно актуальной. Можно вспомнить, как в 2023 году Санкт-Петербург впервые узнал о существовании так называемой ЧВК «Редан», объединяющей школьников вокруг символа из субкультуры анимэ против другой группы агрессивно настроенных молодых людей. Само использование аббревиатуры «ЧВК» неслучайно совпало с пиком активности Частной военной компании «Вагнер», которая обрела среди подростков широкую популярность во многом за счёт репутации агрессивной и независимой структуры, где были совмещены «блатная» романтика и романтика милитаризма. Это показывает, что совре-

менные события, в том числе касающиеся далёкой от «улицы» сферы внешней политики, могут влиять и на создание новых авторитетов среди подростков, кого-то из молодых людей они могут, в частности, вдохновлять на создание группировок или участие в них.

Станут ли молодёжные группировки горячей темой ближайшего будущего или так и останутся исторической легендой популярных сериалов, таких как «Слово пацана», выпущенное в конце 2023 года? По всей видимости, на оба вопроса можно ответить одинаково «да и нет». Вскрытие проблемы на уровне искусства и ускорение социально-политических событий будет всё больше влиять на появление и активизацию новых банд, которые явно будут отличаться от своих предшественников, хотя бы по стилю.

Павел Пономарев

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина «Молодые о молодых» в номинации «Лучший очерк» (Липецкая обл.)

«ИГРА В ЛИТЕРАТУРУ, ИЛИ ЗАИГРАВШЕЕСЯ ПОКОЛЕНИЕ»

Отцы и деды

В 2018 году в журнале «Подъём» вышел мой очерк «Пусть услышат наши “Голоса” (Жизнь молодой литературы Черноземья)». Тогда что-то необычное произошло в литературной жизни Воронежа: десяток молодых, почти юных

авторов — поэтов, прозаиков — объединился для одного общего (как им казалось) дела — литературы. Случилось это спонтанно, стихийно, но — наверное, ожидаемо для Воронежа.

Сложно сказать, почему это случилось именно в Воронеже, именно тогда. Всё дело, кажется, — в самих людях. Двадцатилетние поэты, краем

памяти заставшие прошлый век, перекинули мостик в век нынешний. Удержались за край, приготовившись к прыжку. (В вечность?)

А здесь их ждали «старики». Об этом Сергей Попов, в литературе сегодня известный как поэт из Воронежа поколения восьмидесятых, говорит: «В новейшей литературной истории Воронежа прослеживается — если глядеть с малоотрадной высоты прожитых лет — поколенческий провал. Есть представители старшего возраста. Есть единичные талантливые авторы, которые или вот-вот достигнут полувековой отметки, или не столь давно миновали этот рубеж. Затем — примерно на полтора десятилетия — пауза. И потом уже — можно говорить о более-менее молодых. И далее — о совсем молодых. Таким образом, “поколение отцов” по сути дела отсутствует. А более старшие — позволю себе некоторую временную натяжку — это “поколение дедов”. Ну, а внуков, как известно, любят больше, чем детей...»

Почему так произошло? Почему время выбило из новейшей истории литературы практически целое поколение? И отыгралось на следующем.

«Время существует для человека, а не человек для времени», — заметил однажды Пастернак, а Цветаева развила эту мысль в эссе «Поэт и время»: «Быть современником — творить своё время, а не отражать его».

А на деле, выходит, — обратное?

Литературные имена из Воронежа шестидесятых-восьмидесятых — это А. Прасолов и А. Жигулин, Ю. Гончаров и Г. Троепольский, В. Кораблинов и В. Песков... Список можно продолжить. На филологических конференциях научные умы Воронежа тех лет — А. М. Абрамов, В. П. Скобелев, В. А. Свительский, Т. А. Никонова — высвечивали классиков: от Достоевского и Чехова до Маяковского и Бродского. И пусть ещё не громко, но уже уверенно начинали вспоминать другие фамилии: Бунин, Платонов, Мандельштам...

В восьмидесятых в Воронеже рождается «Лик», которому суждено было стать, наверное, самым известным в городе поэтическим клубом. Так совпало — лучшие годы «Лику» пришлось на перестройку. И это, конечно, неслучайно. И это —

опять возвращение к принципиальному вопросу: время образует человека или наоборот?

Девяностые и нулевые — будто провал, провисание в жизни литературного Воронежа. Канат, на который свалилась балка (страна в это время повсеместно была усеяна такими балками). Да и десятилетия, кажется, особенно никак себя не проявили. Кажется, что только к их концу что-то начало предчувствоваться — как будто духота перед грозой. Или это мне только кажется? Может, сам пытаюсь в этом себя уверить? Но таковы мои ощущения, когда вспоминаю эти крайние два-три года литературной жизни в Воронеже 2010-х — семнадцатый, восемнадцатый, девятнадцатый...

Литературный ландшафт

В 2017-м я и мои друзья-поэты Вася Нацентов, Серёжа Рыбкин, Аман Рахметов и другие пришли в литературную студию «Современник». Её все эти годы благополучно ведут в Воронеже поэт Зоя Колесникова и прозаик Сергей Пылёв.

В мае того же года в той же компании (плюс ещё — Катя Макушина, Эля Пархоц, другие — они попали в «Современник» ещё раньше) пришёл в «Кубанёвку» — в областную юношескую библиотеку им. В. М. Кубанёва. Там нас приняли и поняли.

В то время мы — Вася Нацентов, Серёжа Рыбкин, я — постоянно куда-то ездили вместе: Елец, Москва, Переделкино, Химки, Сочи, Тверь, Петербург... Литературные семинары, конкурсы, школы... Входили в литературный мир — не всегда доброжелательный и однозначный, но всегда — многообразный. Полярность эстетик и вкусов — это не пугало, но заставляло задумываться и искать своё место, свою позицию — свою, в конечном счёте, поэтическую речь.

Было ощущение того, что литературный Воронеж — молодой литературный Воронеж — перерождается.

При этом в нём благополучно уживались Союз писателей России и Союз российских писателей, мирно сосуществовавшие друг с другом, выпу-

скавшие книги, проводившие литературные встречи...

Платоновский фестиваль искусств, Мандельштамфест...

Союз российских писателей при этом — ближе к воронежской прогрессивной интеллигенции, к Воронежскому камерному театру с его тогдашним руководителем Михаилом Бычковым.

За Союзом писателей России — областные содействия молодых литераторов, литературная премия «Кольцовский край»...

Таким был воронежский литературный ландшафт тех лет.

Потерянное поколение

Поздним осенним вечером в центре Москвы — в Молодёжном центре при Заиконоспасском монастыре на Никольской улице — мы (Вася Нацентов и я) сидим в компании Андрея Тимофеева и других москвичей-литераторов: Яны Сафроновой, Жени Декиной, Алины Пожарской, Гриши Шувалова...

Тогда нам устроили «проверку»: на литературном семинаре разобрали наши стихотворные подборки. По камешкам. И сказали:

— Хочется отметить редкую для нынешних поэтов уверенность, бодрое уверенное чтение. Не идите на поводу у себя и у слова.

— У себя на поводу идти не надо, а у слова — необходимо, — возразил Вася.

— Принятие такой доктрины — сужение, — сухо подвели итог нашему семинару. Но кто-то — то ли в нашу защиту, то ли чтобы разрядить обстановку — добавил:

— Очень хорошее оправдание пришло вам в голову, ребята, но так уже до вас утверждал Бродский: поэт — орудие языка.

Это были, в большинстве своём, люди — поэты, меньше прозаики — того самого поколения девяностых — нулевых. Люди, которых в своё время не хватило в Воронеже. А они между тем стекались с окраин страны в столицу, заканчивали Литинститут и улучшали свою минуту.

Тогда, в 2017-м, на очередном съезде Союза

писателей России показали презентацию о современном состоянии СПР. Один из слайдов — блин в виде статистики по составу Союза — был особенно выразителен: доля молодых авторов (18-35 лет) составила четыре процента. Доля писателей среднего возраста (36-50 лет) оказалась солиднее — одиннадцать процентов. Все остальные, как вы понимаете, — те, кому за...

Как-то так повелось, что в Воронеже нас изначально стал опекать именно Союз писателей России. Хотя это не значит, что мы не попали в объектив Союза российских писателей. Я часто тогда повторял: Воронеж — город демократичный. Главным критерием оставался талант.

Вспоминаю показательную ситуацию. Июнь 2018-го, предпоследний день Платоновского фестиваля искусств в Воронеже. У памятника Андрею Платонову — традиционные выступления воронежских поэтов. Представители двух региональных отделений главных писательских союзов — двух равнозначных, но противопоставленных друг другу восприимчивых некогда единого писательского «цеха» — объединились в единой творческой программе.

...Когда в ноябре семнадцатого года после московского семинара мы втроём спускались в метро (нам с Васей — на Казанский и в Воронеж, Тимофееву — домой), Андрей на прощание сказал:

— Парни, мы здесь, в столице, надеемся на вас там, в Воронеже — если у нас получится расшевелить молодых, то и старики за нами потянутся. А вместе мы что-то можем.

Прошло полгода. В мае 2018-го в Воронеже на очередном областном совещании молодых литераторов один из мастеров по прозе — председатель Совета молодых литераторов Союза писателей России Андрей Тимофеев — объявил, что в Воронеже открывается региональное отделение Совета молодых литераторов.

Встречи на Кубе

Мы — и в первую очередь Вася Нацентов, который тянул нас, воронежцев, за собой, в «боль-

шую литературу», — были инфицированы иглой поэзии.

Вася, возглавивший областной Совет молодых литераторов, задавал и ритм, и планку, и моду — литературные. Вася формировал свой, а заодно и наш художественный вкус. Серёжа Рыбкин и я его поправляли. Постоянно ссорились и соглашались. В общем, жили бессистемно, но выглядели органично.

Может, я идеализирую. Может, это юношеский романтизм. Ощущение, подаренное дружбой, любовью... Поэзией. Но сколько ни обсуждал потом это с остальными ребятами, всё время находил с их стороны подтверждение собственным ощущениям.

Кем мы только ни называли себя за эти годы: наше условное лито было и «Голосами», и «Молодыми»... Потом стало областным Советом молодых литераторов. Но это нас не сделало системой — и слава богу! Над нами не стояли департаменты, требовавшие отчёты и «план мероприятий на текущий квартал». И у нас был свой — общий, один на всех — угол в Воронеже — в библиотеке Кубанёва. Мы не выдумывали «форматы» — мы просто собирались «раз в две недели/два раза в месяц» (для нас — устойчивое сочетание) на нашей «Кубе» («Куба» — что-то из шестидесятых) и говорили о поэзии. Обсуждали стихи друг друга, дискутировали и спорили, пели и пили, жили и писали. И были счастливы и свободны — теперь я в этом абсолютно уверен.

Всё это был один сплошной «неформат».

«Неформат» — значит «не-формально»: наш иммунизированный поэзией организм сохранился от формальностей.

Если спросить, как проходили наши «встречи на Кубе», не смогу дать стандартный для всех встреч ответ. Каждая — по-разному. Семинары и разборы стихов (за образец взяли модель занятий в Литинституте) перемежались с творческими вечерами, презентациями, встречами с приглашёнными гостями. За эти годы в гостях у нас были Боря Кутенков, Коля Милешкин, Лена Семёнова (царствие ей небесное), Костя Комаров, Ксюша Аксёнова, Полина Корицкая... Для узкого

поэтического круга имена знакомые. До сих пор с какой-то метафизической теплотой вспоминаются наши вечера памяти Окуджавы, Бунина, Прасолова...

К нам приходили многие. Оставались не все: может, отталкивала оголтелая идейность (дружба, поэзия, литература — «единомышленничество», не всеми понятое и принятое); может, пугала порой бескомпромиссная позиция по отношению к творчеству (и своему, и чужому) — строгость к и в поэзии. Имитация же поэзии — стихотворчество, графомания — то же, что ошибка врачей: дорого обходится обществу. Сегодня, когда человека пишущего найти легче, чем не-пишущего, эта проблема стоит особенно остро. В этом смысле истинное искусство и показательная (допустим даже, публицистическая) шелуха стоят сегодня (к сожалению или к счастью) рядом: на одной полке уживаются Пушкин и детективная беллетристика, Тарковский и кулинарные рецепты, Чухонцев и советы огороднику-садоводу. Да — это и счастье (сколько всего — бери не хочу), и беда нашего времени: неподготовленный, несформированный читатель подавится таким литературным изобилием. Что, в общем-то, характерно и для современной отечественной поэзии: бесконечность имён, течений, направлений, форм, подходов... Всё это обязывает читателя (о писателе не говорю — по умолчанию) уметь отделять зёрна от плевел.

Заигрались...

Катя Макушина и Аман Рахметов, Эля Пархоц и Кристина Маркова, Аня Ковалёва и Ваня Белоусов, Катя Ступникова и Паша Сидельников, Вова Кузьменко и Наденька Третьякова, Настя Картавцева и Антон Шамраев (простите, кого забыл) — те, кто все эти годы были с нами. Со мной. Некоторым из них удалось вырваться за границы регионального литпроцесса и, например, опубликоваться в «Знамени», «Новом мире», «Юности», услышать добрые и нужные слова на тех же «Липках», войти в лонг или даже в шорт Волошинского фестиваля, премии Казинцева,

«Русского Гофмана» и т. д. Нет, всё это, конечно, — не столько литература, сколько её процесс (хотя и немаловажный). Но... Но кто-то просто продолжает писать стихи — без публикаций, премий и конкурсов. Просто писать.

«Молодой писатель» — одна из самых незащищённых социальных категорий граждан (если таковая вообще существует, в чём я не уверен). Ему надо задумываться не просто о том, где работать и как прокормить себя (и больше — семью), но ещё о том, как и когда писать. Нет такой профессии — «писатель». Членство в союзе не даёт социальных гарантий. Премияльный процесс — дело удачи, случая, знакомства, медийности и далеко не всегда только писательского труда.

Но если молодой человек действительно заинтересован в литературе, то он найдёт литературу даже там, где её нет — он её сделает сам. Как мы в Воронеже. Хотя мы шли не по асфальту, а по вполне удобренному чернозёму. Это сделали наши учителя — поколения даже не «отцов» наших, а «дедов». Литературных. Которые всегда наставляли нас: «Почитай отца своего и мать». И мы почитали — читали и чтити. Поэтому когда в 2022 году, после открытия воронежским департаментом культуры Литературного молодёжного центра, мы «в рамках его работы» провели встречу, носившую показательно-пафосное название «Отцы и дети — диалог поколений», — сложилось впечатление, что в литературном Воронеже нет привычного конфликта отцов и детей.

Но разве это плохо? — вроде бы вполне здоровая ситуация. Однако конфликт поколений — это, по распространённому мнению, процесс естественный и даже обязательный.

И вдруг, представьте — в Воронеже этого процесса нет. Парадокс? Патология?

Человек — существо предельно странное и капризное: есть проблемы — плохо; нет проблем — ещё хуже. Но проблема-то есть — и она заключается в её отсутствии.

Мы собрались, чтобы поговорить предельно честно и откровенно. Но не все «отцы»/«деды»

пошли на эту откровенность. Кто-то прикрылся грехами прошлого (не спорю — надо помнить историю, чтобы не повторять ошибки молодости, но разговор шёл всё-таки о сегодня, а не о вчера); кто-то (из деликатности? из доброжелательности?) сгладил углы; а кто-то эти проблемы просто надумал — придумал. (А разве надо решать выдуманые проблемы? — ведь их на самом деле нет.)

С нашей стороны всё оказалось ещё тяжелее: наше поколение было в меньшинстве. Не потому, что на нас обрушились надуманные проблемы (да и не обрушался никто на нас — не ругали даже). А потому, что из пары десятков молодых талантливых литераторов Воронежа на встречу пришло меньше половины. Высказалось — половина от половины. Не нашли время? Скорее, смысл. Испугались? Наверное, просто не поняли, о чём говорить.

Отсюда вопрос — а вообще была ли нужна эта встреча? Может, нашему поколению просто нечего сказать? Может, оно устало от всех этих совещаний, семинаров, перформансов, батлов, центров? От этой большой (но серьёзной ли?) игры в литературу?

«Но поражения от победы...»

И всё же поговорить тогда стоило. Хотя бы для того, чтобы лишний раз понять и подтвердить: кесарю кесарево, слесарю — слесарево, а писатель должен писать. Каждый день садиться перед чистым листом бумаги (реальным или виртуальным — какая разница?) и беседовать с ним. По пять страниц в день — так учил меня профессор воронежского журфака Лев Ефремович Кройчик, и я исправно и регулярно нарушал заповедь учителя. Потому что тратил себя на советы литераторов и литературные центры — на всё, что угодно, только не на настоящую литературу. Литературу, а не литературный процесс.

А в это время Вася Нацентов, который работал в банке, писал повесть (оказывается, и работая в банке, можно писать, и не только стихи, но и прозу); Серёжа Рыбкин, который и сего-

дня работает в банке, ехал на семинары журнала «Знамя» (вместе с Васей); Настя Картавцева выпускала новую книгу стихов; а Паша Сидельников возвращался из армии — в литературу.

В какой-то момент меня осенило: для литературы необязательно наличие Литературного молодёжного центра, Совета молодых литераторов и даже — Союза писателей. А что нужно? Много воли и немного времени. Много сил и немного возможностей. Много честности и немного правды. Что ещё? Вера — одна. Дружба — одна. Любовь — одна. (Возможны исключения.) И тогда можно увидеть всё небо в алмазах.

Для меня, для Васи, для Серёжи теперь где-то в прошлом Совет молодых литераторов и Литературный молодёжный центр. Мы не так часто выступаем и читаем стихи на публику. В декабре прошлого года мы с Васей вышли из Союза писателей России (и да — написали заявление о приёме в Союз российских писателей). Молодой — молодёжный — воронежский литпроцесс оказался в руках других молодых — тех, кто ещё продолжает играть в литературу. А мы — нет, не выиграла. Мы, видимо, — выросли.

Между Рыбкиным и Нацентовым...

Серёжа Рыбкин — последний осенний лист, сорвавшийся с ветки и ухватившийся за плечо прохожего:

не сорвать, а жалеть этот лист
если дерево снова искрится
издавая то шорох, то свист
от прекрасного не-бытия
мне наверное негде укрыться

Лист — живой, каждая прожилка его пульсирует на раскрытых ладонях. «Можно я притворюсь одиноким плечом», — спрашивает Рыбкин. Это — «чтобы листья жалеть», «будто их никогда до меня не жалели».

А наверное, правда, — пожалел их однажды один Мандельштам, и стоит теперь ему в Воронеже памятник (сам Воронеж — как памятник Мандельштаму), укрытый благодарными, лёгшими под ноги листьями «в центральном

парке на стыке улиц», где кормит птиц одинокий поэт — Сергей Рыбкин. Он караулит прохожих — чужих. Вот сейчас бы выхватить из толпы родную душу, и отсюда — в лес, в Боровое, в этот воронежский микрорайон (воронежское Переделкино), где живёт Рыбкин, — на стыке города и леса, нечастых прохожих и регулярных электричек. «Вдали от людей». (Так называется его первая книга стихов, вышедшая в Воронеже в 2020-м.)

Но остаётся только перелистывать книгу — «перекликаться с листвой на ветках». Ведь и лист — «неизбежно один».

Он сорвётся.

И белым парусом, «прямоком в непрерывное небо», полетит. «От у-ста-ло-сти»: то ли уставший, то ли — в лермонтовский «край далёкий».

Наверное, так должно было случиться: презентация «Вдали от людей» прошла в 2021-м в октябре — в месяце, из которого соткана поэзия Рыбкина. Это — и начавшийся листопад, и «Пастернаково небо», и ожидание снежных хлопьев, которые обожгутся об ещё не остывшую землю... и — жёлто-болезненный свет чужих окон. Через эту желтизну, через боль и боренье продирается Рыбкин, ведомый памятью, где лежат пересушенные в саду листья, будто сухофрукты, из которых (из сухофруктов, конечно) сделан бабушкин компот: «Всё реже и мельче живу — обернулся назад и сил не хватает вернуться обратно, но мама зовёт и «Серёня» кричит через сад, чтоб вместе идти в неизбежно холодное завтра».

...Говорить о стихах Васи Нацентова тяжело. Не потому, что о них уже сказали, кажется, все современные классики: так, на обратной стороне обложки его книги «Лето мотылька» — комментарии Геннадия Красникова и Натальи Ивановой, Алексея Алёхина и Максима Амелина... Говорить о стихах Васи мне тяжело потому, что это — стихи друга. Почти мои стихи. Мои — по составу крови. По общему корню, из которых они произросли.

Эпиграф Бориса Слуцкого: «Мы жили весело и плохо...» А мы хорошо и грустно живём. Зреет бабье лето.

Вот росчерк крыла и крыши застряли в моём окне. В который раз приходится к слову, к месту, ко времени Цветаева: «Любить свой век больше предыдущего не могу, но творить иной век, чем свой, тоже не могу: сотворённого не творят и творят только вперёд».

И всё же, всё же... Мелодия мешается с остывшим воздухом, сменяется другой, но всё ещё звучит. И синицы ведут за руку музыку: Любовь и речь любовь моя и речь короткими глотками.

Мы, конечно, выросли. Выросли из традиции. Пошли от корней. Но так случилось в русской поэтической традиции: почвенничество органично переплелось с символизмом, лирика — с эпосом, традиция — с авангардом...

Фет, Тютчев, Блок, Георгий Иванов, Мандельштам, Пастернак... Шестидесятники (Евтушенко, Окуджава) и тихие лирики (Рубцов, Соколов... Прасолов?) СМОГ (Губанов, Кублановский)

и метареализм (Седакова, Жданов). Полистилисты (Ерёменко) и поэты исчезающего «я» (Гандлевский, Кенжеев)...

Так примерно можно очертить круг имён и направлений, на которые сегодня ориентируемся мы.

Круг достаточно условный — охватить всё и вся в этом случае нереально. И как уже, наверное, понятно, круг этот похож на бурлящий котёл — столько оттенков, приправ и специй растворяется от его паров в воронежском поэтическом воздухе. Но при всём этом котёл — единый сосуд. Со своей микросредой, в которой готовится основное блюдо. Вкус у него — специфический, эстетический (я бы даже сказал — эстетствующий). А чувство насыщения приходит от слова — лирического высказывания. Выговорения.

Ну вот — кажется, выговорились.

Анжелика Протасова

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина
«Молодые о молодых» в номинации «Лучший очерк» (пос. ВНИИССОК, Московская обл.)

«ПАРА СЛОВ О ПЛОХОЙ СВЯЗИ»

С пары на пару, из университета — в общежитие, из общежития — снова на пары. Автобус, электричка, метро, забег до учебного корпуса, после занятий — то же, но в обратном порядке. Москва — это город, где на бегу все и всё: перекусы, телефонные разговоры, чаты. Даже они смешиваются в одну кучу: сейчас переписываешься

с мамой, секундой позже — с одноклассниками, ещё через секунду — отвечаешь команде по проекту. Моргнёшь — и снова вечер. Доедешь до общежития — ночь.

Вспоминаешь, что снова не позвонила родным домой: утром готовилась к занятиям, днём было не до того, а вечером — уже слишком позд-

но. В столице, может быть, люди постарше ещё и бодрствуют, но в Екатеринбурге все давно уже спят. Ладно, не стоит их тогда и будить. Решаешь, что обязательно позвонишь завтра.

А сегодня нужно ещё многое успеть. Вечером дедлайн по сдаче текста. Открываешь чат в телеграме. Группа называется «Собиратели историй». Название подходящее — в нём ёмко умещается всё, что так педантично расписано в карточке проекта. Тут и интервью, и работа с историческими источниками, и аккуратное распутывание клубка нарратива на аккуратные ниточки.

Сегодня вы с редактором распутали ещё один такой клубок — расшифровали интервью. Это — пятое по счёту, последнее. В следующий раз журналист, который приносит вам эти клубки-истории, придёт к рассказчику с уже почти готовой книгой, и тот наконец-то увидит, чем вы занимаетесь уже полтора месяца.

Этот проект называется «ЗИНЫ: сохранение личных историй и восстановление связи поколений». Проще говоря, команда создаёт дизайн-книжки, которые интересно читать молодёжи, о людях старшего возраста. В названии — отсылка не только к знакам самиздатовским журнальчикам, но и, как рассказывала руководительница проекта, к женщинам, скорее даже бабушкам, по имени Зина. Это имя раньше было популярно в нашей стране и напоминает о возрасте героев этих книг.

Руководительницу проекта зовут Екатерина. Пару лет назад она вместе со своей подругой записала истории своей бабушки и сверстала из них книгу. В этом году Екатерина подключила к проекту студентов московской Вышки и выиграла грант на издание книг на бумаге. Она говорит, что в этом деле важен не только результат, но и сам процесс, когда старшему поколению дают возможность почувствовать себя услышанными.

Молодые их слушают. Точнее — читают, для этого книги делаются в виде зинов. Формат подкупает, хотя поначалу сочетание «дизайнерские книги» и «старшее поколение» кажется диким.

Одна из книг, над которыми работает команда, уже почти готова. Другая находится в стадии черновика, как раз для неё вы с редактором и расшифровывали интервью.

Порой то, что говорит герой этих интервью, Константин Иванович Курбаков, удаётся распутать лишь с трудом. Ему 97 лет, и нашу реальность с его реальностью разделяет пропасть. С каждым годом она становится всё шире, и одни за другими в неё проваливаются детали той жизни, которую он проживал 20, 50, 70 лет назад.

Ты — канатоходец, балансирующий над этим провалом. Ты собираешь слова, воспоминания, истории и осторожно хранишь их, как засушенные между страниц цветы. Пока пропасть разевает пасть, ты слушаешь.

Ты веришь, что это важно. Ты веришь, что связь — канат, по которому ты ходишь над пропастью, — имеет значение и ценность. Она учит тебя многим вещам — любви, терпению, чести.

В метро связь плохая, и утром позвонить родственникам снова не получается.

Сегодня проект организует лекцию. Её ведёт Оксана Орлова, психолог с двадцатилетним стажем. Лекция будет про то, как писать автобиографии

— или помогать родным писать таковую. Ожидалось, что на неё придёт много студентов, но подавляющее большинство в зале — пенсионеры. Впрочем, молодёжь тоже есть.

Лекция представляет собой своеобразный диалог. Лектор что-то расскажет, задаст вопрос — люди из зала расскажут что-то своё. Кто-то из старших спрашивает, как заинтересовать своей историей потомков. Оксана Орлова отвечает, что интерес придёт сам собой, когда человек станет зрелым, то есть со временем.

Пока она это объясняет, ты рассматриваешь автора вопроса. Это мужчина лет пятидесяти или шестидесяти в красной футболке с принтом «СССР». Что ты можешь ему сказать? Тебе сам его вопрос кажется неправильным. Правильнее было бы спросить: о чём нужно написать в автобиографии, чтобы молодёжи это было интерес-

но? В этот момент та же формулировка звучит в зале — лектор обратилась к младшей аудитории. Хорошо, слушаем.

Девушка с галёрки отвечает, что ей было бы интересно узнать о том, что чувствовали и чем жили старшие, когда были в её возрасте. Какой была их первая любовь? Бунтовали ли они против родительских порядков? О чём мечтали и чего хотели добиться? Словом, говорит она, интересно то, что могло бы быть общим у нас, что могло бы нас через эти чувства связать.

Молодой человек парой рядов ниже говорит, что интересно было бы узнать подробности быта людей. Скажем, если человек жил в коммуналке, то интересно, какое было расписание пользования кухней или ванной — мол, такое-то в такое-то время. Как человек добирался до работы, что было на праздничном столе, какие игрушки были в детском саду. Все эти детали принадлежат к совсем другой эпохе, и жизнь была совершенно другой, и сейчас представить, какой она была, можно только собирая такие подробности-обрывки.

Может, их ответ и звучит банально и очевидно, но лучше сказать как будто и нельзя. Ты думаешь, что это — своеобразная, косвенная дань моде на новую искренность. Нам не нужны перечисления регалий и глубокомысленные сентенции. Лучше расскажите, что вы сами чувствовали, о чём думали, когда всё это происходило? Какими были люди вокруг вас и почему вы стали таким человеком, а не другим? Правда ли, что вы были молодыми, как мы?

У тебя на лекции своя роль — нужно написать о ней, чтобы проект мог заявить о себе в новостях университета. После встречи ты подходишь к старушке на первом ряду. На лекции, когда спикер предложила вспомнить что-нибудь из детства, она вдруг рассказала:

— Я уже пару лет назад стала заниматься с преподавателем рисованием. И всё у меня получалось, преподаватель учил меня различать оттенки, использовать их. А на красном всё «сло-малось» — я всегда выбирала светло-оранжевый и рисовала только им. Преподаватель заставлял

меня и апельсины с абрикосами рисовать на оранжевом фоне, ничего не видно становилось, а я всё равно беру светло-оранжевый. Я только недавно поняла, откуда это у меня. В детстве моя мама много плакала, а затем, когда покрасила комнату в оранжевый, сразу стала весёлая.

Зачем же мама пожилой женщины покрасила эту несчастную комнату в оранжевый? Почему она плакала? Ты подходишь и спрашиваешь об этом.

И вот зрители, команда проекта, лектор один за другим утекают из зала, а ты слушаешь историю старушки. У её мамы была ужасная драма: её с детьми поселили в комнату, окна которой выходили во двор, где разгружали уголь. Света от такого окна почти не было — оно всё было чёрным. Мама до этого жила в пятикомнатной квартире, а затем её отчима репрессировали. Квартиры её лишили, и она после этого плакала ежедневно. Конечно, её дочь не могла этого не запомнить — если мама каждый день плачет, это что-то да значит. А однажды мама раздобыла светло-оранжевую краску, выкрасила ей всё с пола до потолка и сразу повеселела.

После этого старушка рассказывает ещё про множество событий в своей жизни — про Лермонтова и про первые школьные годы, про бесстыдную подругу юности и про то, как её, золотую медалистку, не взяли на факультет биологии потому, что она не дочь кого-то важного. Она уже написала одну автобиографию и сейчас пишет вторую. Её дочь уже не читает последние её книги, хотя и помогает публиковать. Кажется, ей крайне важно, чтобы кто-то её услышал.

Она говорит с тобой почти час. Все — и лектор, и гости, и даже технический специалист — давно ушли, а ты чувствуешь, что если уйдёшь сама, если перестанешь слушать и дашь этим словам стать частью интершума, который забудется, стоит ему закончиться, то сделаешь что-то непоправимое и неправильное в корне. Как будто отрежешь себя от той жизни, про которую говорит женщина: мол, это всё классно, но ко мне отношения не имеет. Ко мне имеют отношение расписание автобусов, новости в телеграмм-

каналах и семинары по социологии, но не ваши рассказы.

Неуместно читать нотации, рассказывая о том, в чём сам виноват. Но как будто так и правда было бы нельзя — и не потому, что народ народный, история историческая, а великое велико. Человек смертен, как говорил один умный мужчина — кстати, тоже смертный. Он живёт меньше века, пока здания, деревья и истории живут едва ли не вечно. Человек набивает одни и те же шишки и тратит драгоценное время на зализывание ран. Он бродит по расходящимся тропам жизни так слепо и набирает охапки воспоминаний, чтобы однажды вместе с ними исчезнуть. Может, есть в таком случае смысл сеять эти истории в памяти других людей и позволять им прорасти в своей?

После встречи ты, вопреки привычкам, не

открываешь расписание электричек и автобусов — впервые за долгое время. Ты не листаешь новости и не пытаешься ответить одновременно всем на все вопросы в миллионах чатов. Ты слушаешь гудки из телефона и наблюдаешь, как солнце медленно садится и красит всё вокруг в золото. Дома наверняка темно, и ты не можешь сказать точно, спят там уже или нет.

Остаётся только ждать ответа, переспрашивать, разбирать его через помехи и радоваться неясно чему. Бабушка предлагает перезвонить завтра — может, тогда соединение будет получше. Ты отказываешься. Пока слышно хоть что-то — пусть лучше разговор будет сегодня, чем завтра или ещё неизвестно когда. Связь плохая, связь барахлит и даёт сбой, и тогда на ней глушатся слова и целые предложения, мысли, истории, но эта связь есть — спасибо и на том.

Наталья Смирнова

дипломант международного конкурса имени Юрия Щекочихина
«Молодые о молодых» в номинации «Лучший очерк»
(г. Нижний Новгород, Нижегородская обл.)

«МНЕ ЭТО НАДО!»

Кому из нас не хотелось остаться там, куда мы приехали отдыхать? Так случилось, что отпуск в полгода круто изменил мою жизнь, привёл к переезду из города в деревню и перерос в увлекательную работу журналистом в редакции газеты «Уренские вести». Впрочем, начало эта история берёт ещё в 2020 году, когда я провела в деревне две недели летнего отпуска.

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

Именно тогда мой муж Александр завёл разговор о возможном переезде в деревню. К моему удивлению, он планировал это событие больше года. Прошлым летом Саша переехал в дачный дом в деревне Минеево Уренского округа и стал

ремонттировать его. Осенью он уже приобрёл первую козу. Мне же переезд казался отдалённой перспективой, граничащей с авантюрой. Слишком многое, и в первую очередь работа, держало в городе. Впрочем, мы часто медлим с принятием сложного решения, пока не подхлестнут обстоятельства.

В октябре я заболела. Болезнь протекала тяжело, с температурой и слабостью. После положенных двух недель меня недолеченную выписали с больничного. В то время я работала по графику 6/1 с 10 утра до 10 вечера, замещая ушедшую в декрет сотрудницу.

Температура, слабость и одышка. Было трудно стоять на ногах. Анализы никак не объясняли причину моего состояния. «Да на тебе пахнуть можно!» — сказали мне после того, как я повторно попросила больничный, но восстановительные препараты выписали. На следующий день я уволилась с работы. Последние два месяца 2021 года были посвящены попыткам восстановиться.

ДЫШАТЬ ПОЛНОЙ ГРУДЬЮ

В январе, как только я начала выходить из дома, собрала небольшое количество тёплых вещей, таблетки, села на электричку и поехала к мужу. Увидев, в каком я состоянии, Саша начал выхаживать меня.

В ход пошли травяные отвары, молоко, мёд, козий жир. Не удивляясь вкусу непривычных смесей, я глотала их и отворачивалась к стене, а он шёл заниматься хозяйством. В яркие морозные дни я лежала на кровати и молча смотрела в окно.

Впервые увидев Минеево зимой, я была поражена тем, что есть другая жизнь. Застывшие сугробы, качающиеся ветки елей, изредка вспархивающая птица — однообразный пейзаж, но я часами наблюдала его. Помню тихую радость от момента, подспудное предательское «ну а дальше что?» и полную свободу. Свободу, которой так хотелось в городе и с которой я не знала что делать теперь.

Через две недели я начала выходить на крыльцо. Лёгкие, забитые в мегаполисе дымом выхлопных газов, кишащих на дорогах автомобилей, начали расправляться и вбирать в себя воздух. Он казался плотным, вкусным, несмотря на то, что ещё не могла вдохнуть полной грудью. С крыльца не спускалась — сильно кружилась голова.

В один февральский день воздух перестал «проваливаться» в лёгкие. Я снова вдохнула полной грудью. В затылке ломило, спиной оперлась о столбушку калитки, но вдыхала снова и снова. Примерно в это время начали появляться первые эмоции. Вспоминая польский фильм «Знахарь» 1981 года, подшучивала над романтической ролью, которая досталась Саше, и над нашей избушкой в глуши.

Впрочем, быт очень быстро внёс свои коррективы. Особенно непросто оказалось топить печку. Ещё первое пробуждение при +12 запомнилось надолго. Пришлось учиться топить печку.

ВОТ ТЕБЕ И ДЕРЕВЕНСКИЙ ПОКОЙ!

Оказалось, в избушке в глуши дел невпроворот. Около двух недель училась печь хлеб в русской печи. Первые изделия получались с жёсткой чёрной коркой, довольно толстой, но мягкие внутри. Подшучивая, Саша изнутри вырезал ножом сердцевину, и мы садились пить чай. Около трёх месяцев мы вообще не покупали хлеб в магазине. Постепенно я научилась улавливать тот момент, когда зажаристый румяный бочок начинает покрываться копотью. В общей сложности выпечка занимала около трёх часов. Топить печь начинали в 9 утра, и к часу дня хлеб был готов.

Неожиданностью стало то, что, оказывается, непросто научиться топить печь. Сколько раз приходилось вытаскивать в снег недогоревшие головешки! Тем не менее, научившись зажигать подтопок, я в марте стала топить и большую русскую печь.

Тепло требовалось не только нам, но и животным. В декабре коза родила козлёнка. Перенеся

его в дом, мы устроили ему гнездо в металлической ванне с сеном.

Постепенно он рос, прибавлял в весе. Через неделю мы перевели его в загородку. В 2022 году компания пополнилась тремя козами. Неотъемлемой частью жизни стали прививки и курсы витаминов перед покрытием.

Почти сразу, как только Саша переехал в деревню, к нашему дому прибилась от соседней кошка Муська. Теперь миски с молоком и кашей стояли на крыльце, кошка приходила поесть, потом деловито отправлялась по своим делам. Весной она принесла котят, и количество кошачьих постояльцев выросло до четырёх. Свою первую зиму коты пережили с трудом, часто болели. Периодически приходилось делать уколы антибиотиков. Время в деревне отдаётся не столько себе и своим нуждам, сколько обеспечению животных и ведению хозяйства. Были ежедневные хлопоты, которые отнимали много времени.

В прошлом году в доме не было воды. Два раза в день мы ходили на колодец. Зимой мы возили воду на санках, в пластиковых бутылках. Санки часто опрокидывались, вода выливалась на снег. С трудом до дома доезжал ценный груз, который мы сэкономили по мере сил. В феврале закончился запас сена, мы на этих же санках возили его со склада по четыре мешка.

БЕЗ РАБОТЫ НЕ ПРОЖИТЬ

Несмотря на трудности, мысль о возвращении в город вызывала тягостные чувства. Весной 2022 года стало ясно: без работы не прожить. Если бы не было возможности обеспечить себе постоянный доход, то я бы вернулась в город. Возможность работать по специальности оказалась веским доводом, удержавшим меня здесь. Когда я узнала про вакансию журналиста, раздумывала недолго. В апреле начала работать в редакции газеты «Уренские вести».

В коллективе меня встретили с теплотой. Крайне важным стало то, что главный редактор С.А. Вайшла пошла мне навстречу и подкоррек-

тировала график работы с учётом транспорта. Работа увлекла, захватила с головой.

Возможность расти и развиваться стала самой важной причиной, которая заставила меня остаться.

Конечно, не обходится без поездок в город. Раньше я в шутку называла их поездками на «Большую землю». Благодаря работе в редакции мой маленький клочок земли в лесах стал большим – прирос знакомствами, эмоциями и впечатлениями. Здесь моя жизнь стала труднее, но при этом заиграла новыми красками, стала более яркой, чем за стеклянными дверями, за которыми я проводила 12 часов в Нижнем. Опыт и понимание своих границ, что я выдержу, а что нет — один из самых ценных подарков деревни.

Опыт зимы, пережитой в экстремальных условиях, научил терпению и планированию. В то, что я останусь в деревне, городские знакомые не верили до последнего. Даже когда я поехала в город за документами, мне звонили и спрашивали: «А ты потом не пожалеешь?» Отец, в своё время уехавший из деревни в город, и вовсе думал, что я долго не продержусь.

ЦЕНА НЕЗАВИСИМОСТИ

На самом деле я прекрасно понимала, что меня ждёт. Иллюзий не было, было понимание одной простой вещи: если один раз человек переживёт какие-то трудности, он будет знать, что делать. С этой мыслью я и продолжаю жить в Минееве. Тем не менее, реальный опыт переселения в дом без удобств бесконечно далёк от того, как это себе представляют уставшие от города энтузиасты «жизни на природе», любители пабликов о выживании и фанаты «самообеспечения» и «автономности», ведущие бесконечные дискуссии на эти темы в соцсетях.

Выводы, к которым я пришла, оказались довольно простыми. Но для того, чтобы это понять, надо пожить в этих условиях. Во-первых, полной автономности добиться не получится, и это не должно быть самоцелью. В любых условиях мы останемся детьми своего време-

ни, стремящимися добиться своих целей рационально, с минимумом затрат сил и денег. Да, посещение магазина можно свести к одному разу в неделю, к покупке самых элементарных продуктов. В расхожем представлении пресловутая автономность даёт независимость. Популярность этих идей говорит о том, что люди устали от скученности и суеты городов, и их можно понять. Цена нашей независимости — время, которое нам никто не вернёт. К примеру, можно печь хлеб дома в русской печи. Когда оцениваешь затраты времени (а это ежедневные три часа в общей сложности), то понимаешь, насколько проще покупать хлеб в магазине. Автономность и наслаждение природой — вещи взаимоисключающие, потому что в попытке запасти что-то, обеспечить себя на обозримый промежуток времени придётся вкалывать физически, с намного большими затратами сил, чем на это готовы городские «выживальщики».

Наличие скотины в хозяйстве само по себе не даёт автономности. Сено нужно каждый день, а регулярно трудиться, как раньше, на сенокосе, способны лишь единицы. Это я поняла, попробовав пройти косой половину небольшой лужайки около дома. Проще заплатить за хлеб, за рулоны сена, за лесовоз дров. В реальности же разумное планирование, распределение своих расходов и понимание своих насущных потребностей отменяет красивые идеи о полной автономности и самообеспечении. В деревне мы погружены в природу, ярче ощущаем себя её частью. Безусловно, это оздоравливает физически и успокаивает душу. Наслаждение природой в «городском» понимании этих слов — это крайне редкие минуты. В моей жизни это было во время болезни, когда ничего другого просто не оставалось. Может быть, это моменты, когда ты любишь на лес из электрички по пути с работы. В самом начале жизни в Минееве Саша сказал мне, что лес меняется каждый сезон, но сама я начала замечать это, только прожив в деревне год. Погружаясь в природу каждый день, начинаешь глубже чувствовать себя, свои потребности.

ЗАЧЕМ?

Как человек выбирает себе дом? Может быть, родное гнездо, уютное и любимое, становится тесным, как джинсы — долговязому подростку, и мы строим себе дом по своим лекалам, привычкам, убеждениям? Либо мы, как росток к солнцу, тянемся к развитию, нащупываем новые возможности сквозь глинистый слой в неподатливой почве, пробиваем его, стремимся вверх, путаемся в побегах сотоварищей и чувствуем себя как дома в зелёной гуще сочных стеблей и постоянном кипении жизни. Есть и третья возможность — создать такой дом, который станет отражением нашей души и вкусов, дом, стены которого будут помогать, собирать нас по кусочкам именно тогда, когда ни на что не останется сил.

Про деревню могу сказать так: несмотря на трудности, на конкретном жизненном этапе мне это надо. Надо после пережитой зимы, труда и бытовых неурядиц и понимания предстоящих «доделок» и «перделок». Отпуск длиной в полгода привёл к крутому повороту, полному изменению образа жизни. В жизни наших отцов и дедов было железобетонное «надо», впечатанное в подкорку советской эпохой. Надо — и люди ехали на БАМ, возводили города. Много чего было надо делать тогда: строить ту инфраструктуру, которой мы пользуемся сейчас. Сохраняя им дань памяти и признательности, люди нашего времени добавляют: «мне это надо». И сегодня, как много лет назад, самые важные, неожиданные и удивительные изменения в жизни человека 21 века начинаются с этих слов: «Мне это надо»!

Гражданская
акция

Скажи миру

ДА!

С 22 апреля 2022 года партия «Яблоко»
проводит акцию «Скажи миру ДА!»

Мы публикуем видео с фрагментами из книг
или музыкальных произведений, при помощи
которых люди выражают свою гражданскую
позицию по поводу трагических событий
в стране и за ее пределами, призывают
к миру и гуманизму

 Яблоко

Ждем ваши видео с чтением отрывков из произведений,
которые, по вашему мнению, наиболее точно отражают
ваше отношение к происходящему

peace@yabloko.ru

Участие не только поможет вам сказать миру «ДА!»,
но и вдохновит других людей

Смотри. Публикуй. Если готов – участвуй!